

Карл Густав Юнг

Жизнеописание, мировоззрение, цитаты

Биография. Род врачей и богословов

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 года в небольшом городке Кесвиль на Бодензее, кантон Тургау, Швейцария. Его отец, Иоганн Пауль Ахиллес, был священником протестантской церкви, а мать, Эмилия Юнг (урожденная Прайсверк), происходила из старинного базельского рода. История семьи Юнгов очень интересна и уходит своими корнями в XVII век. Первая заметная фигура в роду Юнгов — это доктор медицины и доктор юриспруденции Карл Юнг, ректор университета в городе Майнц, Германия. Прадед Юнга, врач Франц Игнац Юнг (1759–1831), руководил во время наполеоновских войн полевым лазаретом. Брат его, Сигизмунд фон Юнг, был баварским канцлером. Приставку «фон» он получил, поскольку был произведен в дворянское звание. Дед Юнга со стороны отца, которого тоже, как и его знаменитого внука, звали Карлом Густавом, по приглашению Александра фон Гумбольдта переехал из Германии в Швейцарию, Базель. Карл Густав-старший был разносторонней личностью. Он штудировал медицину, был хирургом-практиком, преподавал химию в Берлине, занимался психиатрией. Но его интерес не исчерпывался одними естественными науками. Он пишет стихи и в Берлине входит в круг романтиков. Он близко знаком с братьями Шлегель, Людвигом Тиком и Фридрихом Шлейермахером, виднейшими представителями немецкого романтизма.

Из Берлина Карлу Густаву пришлось уехать в Париж, излюбленное место эмигрантов уже с тех времен. Один из его друзей, Карл Занд, заколол Августа Коцебу¹, и у Карла нашли подаренный им молоток для минералогических работ. В прусских донесениях он иначе как «топором» и не именовался.

Итак, с подмоченной репутацией «политически неблагонадежного» Карл Густав эмигрирует в Париж, где случайно знакомится с Александром фон Гумбольдтом. Тому как раз нужен был надежный человек, способный восстановить работу медицинского факультета Базельского университета, пришедшего в упадок в результате наполеоновских войн. Так Юнги оказались в Швейцарии, самой свободомыслящей стране Европы.

Самуэль Прайсверк, дед Юнга с материнской стороны, масон, Великий мастер Швейцарской ложи, был доктором богословия, составителем образцовой грамматики древнееврейского языка, коей он предавался всей душой, будучи убежденным, что именно на этом языке говорят на Небесах. Но интересен он прежде всего тем, что был духовидцем. Например, в его кабинете стоял стул для духа первой жены, с которым он постоянно беседовал. Мать Юнга рассказывала ему, что в детстве ей часто приходилось стоять за креслом отца в момент, когда он писал очередную проповедь. Она отгоняла духов, имевших скверную привычку мешать работе.

Интерес Юнга к мистике, духовидению, «двойному зрению», раздвоенности личности — все это родилось и из семейной атмосферы. По словам Юнга, он чувствовал, что между ним и его предками существует какая-то роковая связь. Он ощущал свою зависимость от них, от тех вопросов, на которые они не смогли найти ответа. Парапсихологические способности были в той или иной мере присущи многим членам семьи, передались они по наследству и детям Юнга.

В семьях Юнгов и Прайсверков преобладали люди, занимавшиеся умственным трудом, причем оба деда достигли в своих областях значительных успехов. В протестантских странах

---

¹ Немецкий драматург (1761–1819). Издавая в Веймаре и Мангейме крайне реакционный «Литературный еженедельник» (*Literarisches Wochenblatt*), Коцебу настроил против себя поборников демократии.

многие выдающиеся личности были сыновьями священников. И Карл Юнг здесь вовсе не исключение. Вращенный на почве свободолюбивой Швейцарии в семье медиков, теологов, пасторов, мистиков и масонов, он объединил в своем творчестве психическую, духовную и физическую стороны человека, тем самым предвосхитив современные тенденции взаимодействия научных дисциплин, ранее развивавшихся независимо друг от друга. Мы знаем, что невозможно в современном мире рассматривать физические недуги отдельно от духовных, и наоборот. Карл Юнг пришел к этому еще в начале XX века — во многом благодаря разносторонности своих интересов и знаний, а также семейной атмосфере.

Карл Густав Юнг характеризует своего отца, доктора филологии и специалиста по восточным языкам (его диссертация была посвящена арабской «Песне песней»), как хорошего человека, жизнь которого не удалась. После студенчества он забросил занятия филологией, сделавшись сельским священником. Женится, но брак не был особенно удачным. В конце жизни он часто предавался воспоминаниям о прошлом, горевал, что брак СЛОЖИЛСЯ совсем не так, как представлялось ему до женитьбы. «Он делал много добра людям — слишком много — и, как следствие, сделался раздражительным и желчным. Оба моих родителя прилагали большие усилия, чтобы жить благочестивой жизнью, а в результате между ними все чаще возникали тягостные сцены»². Судя по всему, отец Юнга испытывал сомнения в собственной вере, но старательно гнал от себя все мысли об этом. Он всегда наставлял сына, что должно просто верить, не задаваясь вопросом «почему?». Его вера казалась Юнгу догматичной, пустой и безжизненной. Разочарования в семейной жизни, воспоминания о счастливой поре студенчества и сомнения в вере, становившиеся все сильнее, привели к постоянной раздражительности и постоянно плохому настроению. По мнению Юнга, в ранней смерти отца виноват кризис веры. Его раздирали внутренние сомнения, но он не смел о них думать. Он бежал от самого себя и поэтому настаивал на слепой вере, которой хотел достичь усилием воли. Позже Юнгу трудно было принять учение Фрейда об Эдиповом комплексе (см. Справку 1) хотя бы потому, что мягкий и слабохарактерный, болезненный отец не был главой семьи. Он не вызывал у сына ревности и желания соперничать за внимание матери. Уже в глубокой старости в одном из писем Юнг замечает, что комплекс у него скорее «материнский», нежели «отцовский».

Справка 1 Эдипов комплекс

Разрабатывая учение о неврозах, Фрейд пришел к выводу о том, что в основе их возникновения лежит сексуальность. Обращаясь за подтверждением своей гипотезы к мифологическим сюжетам, художественным и литературным памятникам истории, Фрейд особое внимание уделяет древнегреческому мифу о царе Эдипе.

Эдипов комплекс, согласно Фрейду, — это комплекс детских переживаний, состоящий из влечения мальчика к матери и ревности и недоброжелательства по отношению к отцу. В дальнейшем этот комплекс вытесняется в сферу бессознательного, является универсальным для мужчин и определяет многие аспекты их сексуальности и невротизма (подобное явление у девочек обозначается комплексом Электры).

Название комплекса основано на древнегреческой мифологии. Эдип — сын царя Фив Лайя и царицы Иокасты, которым было предсказано, что их сын убьет отца и станет мужем собственной матери. Когда родился Эдип, царь приказал проколоть ему ступни (Эдип — значит пухлоногий, с распухшими ногами) и бросить на съедение зверям. Раб пожалел мальчика и отдал его пастуху коринфского царя Полиба. Эдип вырос в уверенности, что царь Полиб ему отец. Вновь Дельфийский оракул предсказывает уже самому Эдипу, что тот убьет своего отца и женится на матери. Устрашенный этим предсказанием, Эдип решает покинуть

---

² Юнг К. Г. Воспоминания, сны и размышления // Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.

дом, который он считал родным. В пути Эдип встречается Лайя и, вступив с ним в спор, убивает его. Так исполнилась первая часть пророчества: Эдип становится убийцей своего отца. На пути в Фивы Эдип встречается Сфинкса, который стережет город и пожирает всех путников, не разгадавших его загадку. Эдип решает загадку, Сфинкс бросается в пропасть, и дорога в Фивы становится свободной. Эдип входит в город, и благодарные фиванцы избирают его царем и дают в жены вдову прежнего царя Иокасту. От этого брака родились сыновья Этеокл и Полиник и дочери Йемена и Антигона. Так сбывается вторая часть пророчества — Эдип становится мужем своей матери. Через несколько лет в Фивах начался свирепый голод и вспыхнула эпидемия чумы. Дельфийский оракул предсказывает, что бедствия прекратятся после того, как будет обнаружен убийца Лайя. В результате расследования Эдип с ужасом узнает правду, ослепляет себя и покидает Фивы, Иокаста кончает жизнь самоубийством.

Таков миф об Эдипе. Интересно, что легенды на эту тему распространены у многих народов. Кара, постигшая Эдипа, отражает восходящее к глубокой древности запрещение брачных отношений между прямыми родственниками (инцест).

В этом мифологическом сюжете Фрейд усматривает не только доказательства того, что сексуальные влечения являются основой деятельности человека, но и подтверждение идеи о существовании тех сексуальных комплексов, которые якобы с детства заложены в человеке. Эдипов комплекс определяет специфику сексуальной жизни человека, его склонности, странности, вкусы и привычки. По Фрейду, мальчики в возрасте от 4 до 5 лет испытывают чрезмерно сильную любовь к матери и ненавидят отца.

Эдипов комплекс лег в основу теории Фрейда. Юнг увидел в истории Эдипа другую сторону: он открыл, что древние мифы до сих пор живут в каждом из нас. Для Юнга это был выход на новый уровень: от индивидуальной истории конкретного человека он переходил к истории человечества, отраженной в мифологии. Такой исторический подход позволял воздействовать на душу пациента извне.

Мать Юнг очень любил. От нее исходило живое человеческое тепло, она умела внимательно выслушать да и сама любила поболтать. Была очень гостеприимна, прекрасно готовила, словом, на первый взгляд была самой обычной женщиной с традиционными для человека ее положения взглядами. С другой стороны, она была для мальчика фигурой необычной и в чем-то пугающей. Ему казалось, что она состоит из двух половинок. Одна половинка — внешняя, домашняя, человеческая. Другая же прячется за первой, она темная и таинственная. Иногда она прорывалась сквозь внешнюю. Тогда мать говорила каким-то чужим голосом, причем выражала такие суждения, которые ее первая половинка с возмущением бы отвергла. Не все время она говорила то, что думала, — так считал Юнг. Она также обладала паранормальными способностями, унаследованными от матери. «Двойственная природа матери была одной из главных причин моих ночных кошмаров. Днем ласковая, по ночам она казалась странной и таинственной, являясь мне страшным всевидящим существом — полужверем, жрицей из медвежьей пещеры, беспощадной, как правда и как природа.» Именно эта древняя природа позволяет видеть людей и вещи такими, каковы они есть на самом деле, позволяет увидеть, что творится за фасадом внешне благополучной личности. Своим увлечением восточными религиями и философиями Юнг тоже, по-видимому, обязан матери, которая читала ему *Orbis pictus* — старую, богато иллюстрированную детскую книгу с описаниями экзотических религий. Изображения Брахмы, Вишну и Шивы (см. Справку 2) очень увлекали мальчика.

Справка 2 Индийские божества

Брахма — одно из трех важнейших божеств индийской мифологии. Первоначально (в «Ведах») — персонификация чудодейственной силы молитвы (*brahman*) и могущества

обладателя этой молитвы — старейшего жреца; Брахма становится в пантеистической философии «Упанишад» обозначением мировой души, безличной, лишенной всех качеств и действий мировой субстанции. В эпосе Брахма — творец и вседержитель мира, отец богов и людей, сотворивший небо и землю из золотого яйца. С Вишну и Шивой он образует божественное триединство, в котором Брахме поручено созидание миров. Брахму обычно изображают красным, четырехликим, восьмируким, сидящим на лебедь.

Вишну — второе божество индийской троицы; добрый страж и освободитель. В разных воплощениях (ава-тарах) Вишну спускается на землю, чтобы спасти людей от опасности. Вишну ездит по небу на птице, в своих четырех руках он держит раковину каури, диск, булаву и лотос.

Шива (санскр., буквально — благосклонный, милосердный) — один из главных богов в индуизме, главный бог в шиваизме. В основе культа Шивы лежат древнейшие индийские племенные культы плодородия. В ряду других великих богов индуизма Шива олицетворяет также разрушительные силы природы. При этом он не только каратель за грехи, но и податель благ и защитник, не только разрушитель, но и творец. Символом творческого начала Шивы являются изображения мужского полового органа — линги (фаллоса). В иконографии Шива изображается обычно или аскетом, погруженным в созерцание, или в устрашающем виде, часто в священной пляске.

Через полгода после рождения Карла Густава семья переехала в приход замка Лауфен, расположенного на Боденском озере в верховьях Рейна. Мир мальчика ограничивается домом, церковью и кладбищем. Его тревожат ночные страхи, кажется, будто кто-то ходит по дому, слышен несмолкаемый шум рейнских водопадов, приближаться к которым опасно — тела утопленников выносит на скалистые берега. Когда кто-то умирает, мальчику объясняют, что его похоронили и Иисус взял его к себе.

Мать научила его молитве, которую нужно было читать каждый вечер перед сном. Она успокаивала мальчика. В этой молитве *Her Jesus* («господин Иисус») представал перед ним как влиятельный, почтенный господин, защищающий маленьких мальчиков по ночам. С другой стороны, Иисус был таинственным образом связан с происходящим на кладбище, с одетыми в черное мрачными людьми, с тем, что в земле рыли яму и закапывали в нее человека. Любовь и доброта Иисуса казались ему сомнительными, поскольку образ Иисуса ассоциировался со священниками в черной одежде, напоминающей о похоронах. Многие годы священники вызывали у него страх, и, несмотря на все усилия, побороть недоверие к Иисусу мальчику так и не удалось.

В 1878 году мать Юнга проводит несколько месяцев в больнице в Базеле. По мнению Юнга, ее болезнь была вызвана неблагополучным браком. Мальчик реагирует на расставание с матерью экземой, он очень обеспокоен ее отсутствием.

В 1879 году семья переезжает в Клейнхюнинген, тогда деревеньку неподалеку от Базеля, а теперь его промышленный пригород. Больше всего на свете мальчика занимает мир природы: растения, звери, камни — мир таинственного. Дом, в котором жили Юнги, был построен для священника в XVIII веке. В этом доме была одна комната, на стенах которой висели старинные картины. Мальчик часами разглядывал картины, приводившие его в восхищение. «Это было единственное проявление прекрасного, известное мне».

...Карлу всего 5 лет, но отец уже начинает учить его латыни (позже великолепное знание латыни пригодилось ему при расшифровке средневековых алхимических трактатов). Поэтому, когда он в 6 лет идет в школу, учеба не вызывает никаких затруднений — мальчик уже умеет читать и быстро схватывает материал. У него появляются друзья — обычные деревенские ребята, вместе с которыми он учится. До школы Карл все время играл один, очень любил строить башни и затем разрушать их. Наконец-то у него появились товарищи для игр. Они уводили его от самого себя, от чувства неуверенности в себе и от мрачной атмосферы в доме. С самого детства Юнг ощущает свою раздвоенность; в нем как будто живут два человека одновременно: внешний и внутренний. Внешний человек живет обычной

жизнью — ходит в школу, учится, иногда ленится, словом, он обычный школьник, сын своих родителей. Внутренний человек, личность номер два, умудренный опытом старик, скептический и недоверчивый. Ему ведомы тайны природы, ночные сны и тайны. В школе, с друзьями, он был личностью номер один, а наедине с собой был личностью номер два и даже искал уединения, чтобы предоставить этой личности возможность проявиться. «Эта игра, это противостояние двух ипостасей моей личности продолжалось всю жизнь, но оно не имеет ничего общего с тем, что медики называют патологическим распадом личности. Наоборот, это происходит со всеми людьми, и прежде всего в том, что касается религии, которая в моей „другой жизни“ — внутренней жизни — играла первостепенную роль. „Другой“ („номер 2“) — типичная фигура, но осознается она очень немногими».

В 1884 году, Юнгу уже 9 лет, рождается его сестра Гертруда. Это событие усиливает его недоверие к родителям, поскольку ее рождение стало для него неожиданностью. Когда мальчик спросил родителей, откуда взялась сестренка, они отделались невразумительной побасенкой про аиста, которой раньше так любили потчевать детей, и он, конечно, понял, что его обманывают, что эта история принадлежит к разряду того, «о чем детям знать не положено».

В 11 лет Юнг поступает в гимназию в Базеле. Теперь он общается не с простыми деревенскими ребятами, а с детьми из так называемого большого мира, то есть с детьми местных патрициев.

Они хорошо одеваются, не считают карманные деньги, небрежно рассуждают о каникулах, проведенных в Альпах или на море. Для Юнга это другой, совершенно недостижимый мир. Так он впервые осознает, что семья его бедна, и это изменяет его отношение к родителям. Он начинает лучше понимать их горести и заботы. Примерно в это же время он начинает интересоваться религиозными вопросами. Бог постепенно входит в его мир таинственного. К посещению церкви это не имеет никакого отношения: в церковь Юнг ходит редко и неохотно, не находя там для себя ничего интересного. Все происходящее в церкви кажется ему лишь скучными ритуалами, смысл которых непонятен самим участникам.

Нельзя сказать, чтобы Юнгу очень нравилось в школе. Она отнимала слишком много времени, которое он с удовольствием потратил бы на что-нибудь другое, например на рисование или придуманные им самим игры. Математика ему совершенно не дается, перед ней он испытывает страх, невыносимо скучен Закон Божий, на рисовании приходится изображать совсем не то, что хочется... И вот на тринадцатом году жизни происходит некое событие, которое наложит отпечаток на всю его жизнь. Он ждал на улице одноклассника, мимо бежал другой мальчик и так неудачно толкнул его, что он ударился головой о тумбу и на миг потерял сознание. Теряя сознание, он подумал: «Ура, теперь не надо будет ходить в школу». С тех пор, как только родители посылали его в школу или усаживали за уроки, у него начиналось сильнейшее головокружение, нередко заканчивавшееся обмороком. Из-за загадочной болезни Юнг более полугода не посещает школу. Вместо этого он посвящает свое время миру таинственного, природе и библиотеке отца.

Испуганные родители обращаются ко всем врачам, каким только можно. Один из врачей даже решил, что у ребенка эпилепсия. Втайне Юнг посмеивается над этими предположениями — он прекрасно знает, что представляют собой приступы эпилепсии. Наконец он понимает, что его обмороки — просто бегство от реальной действительности и от самого себя. Он берет себя в руки, возвращается в школу и становится прилежным учеником. Так в 12 лет он узнал, что такое невроз. «Я... осознал, что причиной всей этой неприятной истории был я сам. Поэтому я никогда не испытывал злобы к толкнувшему меня школьнику, понимая, что он „предназначен“ был сделать это и что все было „срежиссировано“ мной самим — от начала и до конца. Знал я и то, что это больше не повторится. Я ненавидел себя, и еще — стыдился. Я сам себя наказал и выглядел дураком в собственных глазах. Никто, кроме меня, не был виноват.

Я был проклят! С того времени меня начала безумно раздражать родительская

заботливость и их жалостливый тон, когда речь заходила обо мне».

Тогда же Юнг осознает, что в нем уживаются две личности. Одна личность, так кажется мальчику, ответственна за внешнюю действительность, в то время как вторая, будучи мудрой и зрелой, играет центральную роль. Этой личности Юнг постепенно отдает предпочтение. Она не имеет ничего общего с церковью и с набожностью, а, наоборот, противостоит ей.

Именно с ней связано очень важное для Юнга переживание. Ни одна книга о Юнге не обходится без его описания.

В погожий летний день двенадцатилетний Юнг стоял перед собором в Базеле и размышлял о том, как чудесен мир, — и солнышко, и голубое небо, и золотой купол собора... Внезапно он понял, что не должен, даже не имеет права продолжить эту мысль, ибо произойдет нечто ужасное. Возможно, он совершит страшный грех и будет на веки веков обречен на геенну огненную. Все усилия он направляет на то, чтобы не думать о «дорогом Боженке» и о прекрасном соборе. Так он промучился два дня. На третий день невыносимых мучений он позволил себе додумать мысль до конца, несмотря на страх быть проклятым. «Я собрал все свое мужество, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пекло, и дал мысли возможность появиться. Перед моим взором возник кафедральный собор и голубое небо. Высоко над миром, на своем золотом троне, сидит Бог, — и из-под трона на сверкающую новую крышу собора падает кусок кала и пробивает ее. Все рушится, стены собора разламываются на куски. Мудрость и доброта Бога открылись мне сейчас, когда я подчинился Его неумолимой воле». Так Юнг приходит к мысли, противоречащей церковным канонам: Бог хочет, чтобы человек грешил.

Посещение церкви постепенно стало для него невыносимым. К конфирмации отец готовил Юнга сам. Юнгу было очень скучно, но он хотел дожидаться момента, когда отец заговорит о Троице — единственном вопросе, который заинтересовал его в катехизисе. Но когда они наконец-то дошли до этого места, отец пропустил его, сказав, что сам ничего здесь не понимает. Позднее повзрослевший Юнг часто пытался дискутировать со своим слабым, сомневающимся в собственной вере отцом, но эти дискуссии заканчивались ничем: отец и сын не понимали друг друга. Юнг все дальше отходит от церковной теологии. Ему кажется бесстыдной церковная манера восхвалять Бога, провозглашать во всеуслышание его волю, не принимая в расчет того, что тайна божественного откровения принадлежит к сугубо индивидуальной сфере. Юнг приходит к выводу, что священник ничего не знает о божественной тайне, так как в противном случае он не отважился бы говорить об этом во всеуслышание и «профанировать глубокие чувства банальными сантиментами».

Живя интенсивной внутренней жизнью, Юнг отдаляется от внешнего мира. Чувство огромного одиночества переполняет его. Знание душевных таинственных процессов, очевидно недоступное его товарищам, ответственно за то, что уже в этом возрасте Юнг ощущает себя аутсайдером. Он настолько погружен в себя, что у него начинается длительная депрессия, которая отступает только после того, как он осознанно, приложив к тому немалые усилия, возвращается к реальности. «Всю мою юность можно понять лишь в свете этой тайны. Из-за нее я был невыносимо одинок. Моим единственным значительным достижением (как я сейчас понимаю) было то, что я устоял против искушения поговорить об этом с кем-нибудь. Таким образом, мои отношения с миром были предопределены: сегодня я одинок как никогда, потому что знаю вещи, о которых никто не знает и не хочет знать», — пишет Юнг в своей автобиографии в возрасте восьмидесяти с лишним лет.

В 1895 году, то есть в возрасте двадцати лет, Юнг поступает в Базельский университет. Учиться в каком-либо другом месте было ему не по карману. В местном же университете отец выхлопотал для него бесплатное обучение. Этого факта сын стыдился, ему казалось, что он извлек выгоду из репутации своего отца, хорошего и доброго человека. Юнг долго колеблется, не зная, какие науки хочет изучать — естественные или гуманитарные. Все же он делает выбор в пользу медицинского факультета, так как медицина включает многие естественнонаучные дисциплины и, в силу своей многогранности, оставляет широкий

простор для научной деятельности.

Через полгода после того, как Юнг поступает в университет, умирает отец. Для семьи настанут тяжелые в финансовом отношении времена, приходится занимать деньги у родственников. Юнг становится главой семьи, прилежно учится и подрабатывает младшим ассистентом на кафедре анатомии. Время от времени он выступает в студенческом обществе Zofingias докладами о естественнонаучном познании и его границах и об оккультизме. Он очень много читает, в основном философов — Канта, Ницше, Шопенгауэра, но также и оккультную литературу, например Месмера³.

Примерно на втором курсе начинается увлечение Юнга спиритизмом. Однажды в библиотеке отца он случайно наткнулся на небольшую книжку о спиритизме. Его поразило, насколько описания автора сходились с деревенскими историями о «духах», что он слышал в далеком детстве. Несомненно, подумалось ему, причиной сходства должны быть некие объективные свойства человеческой психики. Однако, сколько он ни искал, ему не удалось найти никаких книг по этой тематике. Он попытался обсудить сверхъестественные явления со своими друзьями, но, к своему удивлению, наткнулся на стену из предрассудков и непонимания.

Юнг не находил ничего «сверхъестественного» в сверхъестественном. Он не видел причины, по которой оно не может существовать. Известно, что животные предсказывают землетрясения, часы останавливаются в момент смерти владельца, ни с того ни с сего разбиваются предметы. Люди, живущие в сельской местности, в отличие от горожан, верят в невидимые силы природы. Они живут близко к земле, наблюдая ежегодную смену циклов рождения, смерти и возрождения, и знают, что такие силы могут быть сокрыты за вещами, кажущимися обыденными. В деревне, где Юнг рос, эти явления были в порядке вещей. Его же друзья избегали говорить на подобные темы, считали их несущественными, а оккультные феномены — не существующими.

В это время в семье произошло два мистических события. Один раз Юнг занимался в своей комнате, как вдруг в столовой раздался громкий треск. Это раскололся старинный ореховый стол, причем трещина прошла по цельному куску дерева. Другой раз Юнг, вернувшись из университета, застал мать и сестру в сильном волнении. Примерно часом ранее из тяжелого и старого буфета раздался громкий звук. Женщины обследовали его со всех сторон, но ничего не нашли. Юнг проверил еще раз и обнаружил в хлебнице, стоявшей на полке, разломанный нож. На следующий день Юнг отнес нож литейщику, но тот только покачал головой, сказав, что лезвие само по себе так распасться на куски не могло. Этот нож Юнг сохранял до конца жизни.

Спустя какое-то время от родственников, занимавшихся спиритизмом, Юнг узнает, что в семье есть медиум — его пятнадцатилетняя кузина Хелен Прайсверк. Она впадает в сомнамбулическое состояние и общается с духами. Его приглашают принять участие в спиритических сеансах, и он охотно соглашается, так как думает, что наличие медиума может быть как-то связано с происшедшим в доме. Два года он посещает сеансы и ведет подробные записи. В первую очередь Юнга удивляло на сеансах то, каким уверенным и знающим тоном «передавала» в трансе его кузина. Эти качества были совершенно не свойственны ей в реальной жизни. Позже эти записи лягут в основу его диссертационной работы (он защитит ее в 1902 году). Постепенно силы девушки иссякают, и, заметив, что она мошенничает, Юнг перестает ходить на сеансы.

Между тем подошло время сдавать экзамены и определяться с будущей

---

³ Франц Антон Месмер (1734–1815) — австрийский врач. Полагая, что планеты оказывают воздействие на людей посредством магнитных сил, выдвинул представление о «животном магнетизме» как особой естественной силе, «заряжаясь» которой от планет и излучая ее на других людей человек способен воздействовать на течение их физиологических процессов и изменение поведения. Разработанное на этой основе учение, получившее название «месмеризм», способствовало формированию научных представлений о гипнозе.

специализацией. И быть бы Юнгу обычным терапевтом, а не великим психиатром, психологом и теологом, если бы не учебник Крафта-Эбинга⁴ по психиатрии. В начале XX века психиатрия не считалась серьезной наукой, поскольку была еще мало разработана. Современной науке свойствен целостный подход к человеку: мы знаем, что физическая и психическая сферы человека тесно взаимодействуют. Нарушения в одной сфере вызывают расстройство в другой, и наоборот. Ныне мы знаем, что человеческая психика и мозг имеют куда более сложное строение, нежели те модели, что Юнг изучал, будучи студентом медицинского факультета, более 100 лет тому назад. Тогда считалось, что дух и тело — это обособленные сферы бытия, взаимодействующие при помощи некоего таинственного медиума (структуры, исполняющей роль посредника). Сегодня есть специальная область медицины, так называемая психосоматика, которая занимается этими проблемами (см. Справку 3). В конце XIX века психических больных не лечили. Они содержались в специальных заведениях, а психиатры в основном заполняли карты больных, стремясь как можно точнее описать симптомы заболевания. В общем, на психиатров в то время смотрели косо.

Справка 3 Психосоматические расстройства

Психосоматика (греч. psyche — душа + soma — тело) — это направление психологии и психиатрии, изучающее влияние психологических факторов на возникновение медицинских заболеваний.

Психосоматические заболевания относятся к наиболее частотным заболеваниям у населения. Они проявляются как физическое недомогание, не имеющее органической причины, то есть они обусловлены психическим конфликтом, нашедшим физическое выражение. Очень часто они игнорируются врачами, и последние ставят своим пациентам другие диагнозы.

От 10 до 40 % всех людей, приходящих в поликлинику, страдают не от физических болезней, а от психосоматических и других душевных недугов. Как правило, проходит 7 лет, прежде чем больному психосоматическим расстройством ставят правильный диагноз. Все это время он принимает множество ненужных лекарств, проходит различные физиотерапии, тратит на лечение, которое ему не помогает и помочь не может, свои сбережения.

Причинами таких психосоматических расстройств выступают внутриспсихические конфликты, которые будто когтями вцепляются в слабое место организма. Например, если человек в принципе склонен к аллергическим реакциям (то есть это его слабое место), то психологический конфликт будет проявляться в виде сильной аллергии.

Самые распространенные психосоматические заболевания:

- головные боли;
- боли в спине;
- заболевания желудочно-кишечного тракта;
- урологические проблемы;
- астма;
- аритмия;

---

⁴ Рихард Крафт-Эбинг (1840–1902) — немецкий психиатр и невропатолог. Учился в Гейдельберге, Цюрихе, Вене и Праге. Основоположник клинического анализа паранойи, автор многочисленных трудов по психиатрии и невропатологии. Среди них — «Основы криминальной психологии» (GrundzugederKriminalpsychologie, 1872); «Учебник судебной психопатологии» (Lehrbuch der ge-richtlichen Psychopathologie, 1875); «Учебник клинической психиатрии» (Lehrbuch der Psychiatrie auf klinischer Grundlage, 1879); «Экспериментальное исследование в области гипнотизма» (Eine experimentelle Studie auf dem Gebiete des Hypnotismus, 1888); «Половая психопатия» (Psychopathia Sexualis, 1886), переведенная на семь языков, в том числе на русский (1995), «Учебник психиатрии» (Lehrbuch der Psychiatrie, 1897).

- кожные заболевания;
- половая дисфункция;
- анорексия и булимия.

Если человек жалуется на какое-либо заболевание из вышеперечисленных и врач не может обнаружить причину, скорее всего, причина лежит в психологической сфере. Такому человеку нужно не пить таблетки, а проходить психотерапию, индивидуальную либо групповую.

Готовясь к экзамену по психиатрии, совершенно ему не интересной, Юнг открывает учебник Крафта-Эбинга и в предисловии читает: «Изучение и лечение психоза, этого „заболевания личности“, стоят в тесной взаимосвязи с личностью врача и с объективностью его знаний». Он приходит в необычайное волнение и понимает — вот та область науки, где пересекаются физическая и духовная жизни человека. Так он решает изучать дальше психиатрию.

В 1900 году Юнг становится штатным ассистентом терапевта в психиатрической клинике Бургхельцли (см. Справку 4) под руководством Эйгена Блейлера, которая также была университетским исследовательским центром.

Справка 4 Клиника Бургхельцли

Клиника Бургхельцли была далеко не обычной психиатрической лечебницей. Прежде всего она была университетской больницей, а значит, в ней работали профессора, преподававшие в университете, люди науки. В Бургхельцли в одно время с Блейлером работали такие видные ученые, как: Людвиг Бинсвангер, Герман Роршах, Жан Пиаже и Карл Абрахам.

Эйген Пауль Блейлер (1857–1939). Доктор медицины, специализировался в клинической патологии и психотерапии. С 1898 по 1927 год был директором психиатрической клиники и университетской больницы Бургхельцли. Главным образом Блейлер известен тем, что первым из выдающихся психиатров за пределами Австрии признал важность работ Зигмунда Фрейда. Около 1904 года он подтолкнул Карла Юнга, который работал в клинике с 1900 по 1909 год, к применению теории Фрейда в лечении больных. Тем самым он способствовал написанию Юнгом его монографии по шизофрении и последовавшему затем союзу между Фрейдом и Юнгом. Благодаря Блейлеру было пересмотрено отношение к болезни, сегодня известной как шизофрения. Он критиковал термин Э. Крепелина *dementia praecox*, поскольку тот означал необратимое состояние, не поддающееся лечению. Блейлер определил шизофрению как ослабление связей, которые приводят к дезинтеграции личности на некоторое время и в некоторых отношениях. Блейлер предпринял попытку составить список признаков, характерных для шизофрении. В него вошли такие известные сегодня признаки, как «словесный винегрет», «неологизмы». Помимо шизофрении Блейлер интересовался также аутизмом (отсутствием контакта с внешним миром).

Людвиг Бинсвангер (1881–1966). Был ассистентом у Юнга и Блейлера, также интересовался шизофренией. Основатель экзистенциальной формы психоанализа, был в дружеских отношениях с Фрейдом до конца жизни, несмотря на теоретические разногласия. Бинсвангер назвал свой метод «экзистенциальный анализ» (*Daseinsanalyse*, в переводе с немецкого «анализ бытия»). Его работы получили широкую известность среди психологов, психиатров и философов, обусловили развитие направления под названием «антипсихиатрия».

Герман Роршах (1884–1922). Создал психодиагностический тест личности, названный его именем. Тест представляет собой 10 карточек с изображенными на них чернильными пятнами, по которым проводится диагностика интеллекта, эмоциональной сферы личности,

мотивов и потребностей, тревожности и др. Тест до сих пор часто применяется в клинических целях.

Жан Пиаже (1896–1980). Основатель Женевской школы генетической психологии. Изучал детское мышление. Выделил три стадии развития интеллекта: сенсо-моторного интеллекта (до 2 лет), конкретных операций (до 12 лет), формальных операций (формирующихся до 15 лет). Пиаже — один из самых почитаемых и цитируемых исследователей, авторитет которого признан во всем мире и число последователей которого не уменьшается. Он первым заговорил о своеобразии детского мышления, показав, что мышление ребенка совершенно отличается от мышления взрослого человека. Разработанные им методы исследования уровня развития интеллекта давно стали диагностическими и играют большую роль в современной практической психологии.

Карл Абрахам (1877–1925). Психоаналитик, начинал свою карьеру как ассистент Блейлера, но в 1907-м переехал в Берлин. Открыл в Берлине первый в мире институт, обучавший психоанализу, помогал формировать стандарты психоаналитического образования. Основные темы исследований Абрахама — шизофрения, истерия, комплекс кастрации у женщин, связь сновидений с мифологией, маниакально-депрессивный психоз. Его преждевременная смерть нанесла ощутимый урон фрейдистскому движению.

Всю жизнь Юнг вспоминал о Блейлере с благодарностью как о своем учителе. Переезд из Базеля в Цюрих (там располагалась клиника) имел для Юнга принципиальное значение. Базель был городом традиций. В тамошнем университете преподавал сам Эразм Роттердамский, на филологическом факультете были профессора, лично знавшие Ницше (Ницше был профессором в Базельском университете еще до написания своих самых известных книг), наконец, Юнг дружил с Альбертом Ори, который приходился внучатым племянником Якобу Буркхардту⁵. В Базеле метафизика считалась необходимой духовной стороной жизни человека. Цюрих же был промышленным городом, нацеленным не на прошлое, как Базель, а на будущее. В противостоянии этих двух городов Юнг видел противостояние религии (Базель) и науки (Цюрих). «Я был рад, что поселился в Цюрихе, Базель казался мне уже тесным. Для жителей Базеля не существовало другого города, кроме Базеля, только в Базеле все было „настоящее“, а на противоположном берегу реки Бирс начиналась земля варваров». В Базеле Юнга знали исключительно как сына пастора и внука профессора Юнга. Все это рождало в нем внутренний протест. Клиника Бургхельцли была расположена на окраине Цюриха и по царившему там духу больше напоминала монастырь. Ассистенты каждый день должны были докладывать о состоянии пациентов. Вечерний обход был в семь часов вечера, а после этого нужно было писать истории болезни. В десять часов вечера ворота клиники закрывались на ключ. Блейлер даже требовал от своих подопечных соблюдения «сухого закона». Первые полгода Юнг проводит в клинике затворником, штудировав 50 томов журнала *Allgemeine Zeitschriften für Psychiatrie*. Так он ознакомился со всеми наработками за полвека с начала современной психиатрии.

Через год он публикует тезисы своей диссертации «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов». Уже в ней содержатся зачатки его более поздних идей о бессознательном, о связи бессознательного с мифологией. Первой такой идеей является автономия бессознательного. В сомнамбулическом состоянии контроль может осуществляться автоматическими элементами бессознательного: видениями, произвольными движениями, голосами, которые можно принять за голоса духов. Из этой идеи последовательно выводится вторая, которая становится лейтмотивом всех его работ.

---

⁵ Якоб Буркхардт (1818–1897), швейцарский историк и философ культуры, основатель так называемой культурно-исторической школы в историографии, выдвигавшей на первый план историю духовной культуры. Его считают создателем систематической истории искусства. Произведение искусства рассматривалось им в культурно-историческом контексте, на фоне общественных изменений. Ему принадлежат труды по истории греческой культуры и по культуре Италии в эпоху Возрождения.

Психические нарушения такого рода выполняют защитную функцию в периоды кризисных состояний и вместе с тем способствуют развитию личности. Наконец, в этой первой в его многолетней научной карьере монографии Юнг отмечает, что та мифологическая модель космоса, о которой однажды девушке-медиуму якобы поведали духи, имеет сходство с другими оккультными системами, описанными в работах, которые девушка знать никак не могла.

У человеческой души, делает вывод Юнг, есть врожденное свойство воспроизведения неких моделей (образцов). То есть незнакомые друг с другом люди могут иметь совершенно одинаковые фантазии. В своей более поздней работе Юнг пишет: «Фактически можно сказать, что если бы даже все мировые традиции однажды оказались сметены каким-то одним порывом, тем не менее вся мифология и вся история религии с новым поколением начались бы заново». 17 июля он защищает диссертацию и получает степень доктора медицины.

В 1902 году он прослушал курс Пьера Жане⁶ в Париже, чтобы расширить свои познания в теоретической психопатологии. Тогда же, в 1903 году, он женится на Эмме Раушенбах, дочери богатого промышленника из Шауфхаузена. Впоследствии у них родилось четыре дочери и сын. Научные исследования Юнга в клинике закончились публикацией книги об ассоциативном эксперименте, методе словесных ассоциаций, который он активно практиковал с больными. Пациентам предлагается дать немедленную ассоциацию на слово-стимул, при этом замеряется время реакции. Даже незначительные задержки в ответах на отдельные слова указывают на аспекты «комплекса». Юнг был первым, кто использовал данный термин в его современной интерпретации. Например, пациенту говорят «Мать!» и измеряют время реакции секундомером. Если время реакции большое, это указывает на комплекс. Замедленная реакция указывает на то, что задет какой-то эмоционально неблагополучный аспект. Учитывают при этом и вегетативные реакции — например, пациент краснеет или бледнеет, начинает потеть, задерживает дыхание. В зависимости от реакции на слова-стимулы врач решает, в каком направлении продолжать лечение. Распространенные слова-стимулы: «мать», «отец», «братья», «сестры», «младшие братья и сестры», «отношения», «брак», «беременность», «дети», «смерть», «разлука» и т. д. Именно такие слова позволяют выявить внутренние конфликты. При тестировании мужчины обычно добавляют еще такие слова, как «успех», «деньги», «честолюбие», «карьера». Вариации этого теста до сих пор используются в психотерапии. Юнг использовал его в работе с пациентами в течение всей жизни. Юнг полагал, что слово-стимул задевало тот или иной комплекс — пучок ассоциаций, окрашенный одним эмоциональным тоном. Однажды пациент так сильно отреагировал на слова «нож», «копье», «ударить», «острый», «бутылка», что Юнг не колеблясь сказал: «Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Вы были пьяны и ножом убили человека...» Потрясенный пациент во всем признался. Будучи за границей, он в пьяной ссоре убил человека ножом, за что год отсидел в тюрьме. Он был из уважаемой семьи и скрывал этот факт, чтобы не осложнять себе жизнь. В другом случае пожилой профессор криминологии сказал Юнгу, что не верит в ассоциативные тесты, и Юнг предложил ему попробовать тест на себе. Он согласился, однако после десяти слов устал. Юнг сказал, что совсем недавно его беспокоили денежные дела и он боится умереть от сердечного приступа. Возможно, он учился во Франции и там у него было любовное приключение. Вот как рассуждал Юнг: «сердце» ассоциировалось с «болью», «смерть» с «умирать» — естественная боязнь смерти для семидесятидвухлетнего человека. На слово «деньги» профессор отреагировал «слишком мало». На «плата» он ответил французским *la sèmeuse*, а на «поцелуй» последовала долгая реакция, а затем ответ «красивый». Он не использовал бы французский, если бы это не было связано с определенными ощущениями.

---

⁶ Пьер Жане (1859–1947) — французский психолог и психиатр. Разработал сложную иерархию поведенческих актов, от простейших рефлексов до высших проявлений интеллекта. Идеи Жане существенно повлияли на французскую психологию XX века.

Реакция «поцелуй» — «красивый» убедила Юнга, что речь идет о любви.

Первоначально Юнг полагал, что ассоциативный тест может с успехом применяться для выявления преступников, но отказался от этой мысли. Комплекс может не иметь ничего общего с происшедшими в действительности событиями, а быть результатом бессознательных фантазий, подавленных стремлений и установок.

Карьера Юнга в клинике идет более чем успешно. В 1905 году он получает место старшего врача, а это второе после Блейлера место в Бургхельцли. Он занимается психотерапевтической практикой, разрабатывает психологические тесты. Первой его пациенткой, лечившейся от истерии методом психоанализа, была молодая девушка Сабина Шпильрейн (см. Справку 5). В этом же год 26 декабря у Юнга рождается старшая дочь Агата. Юнг становится приват-доцентом в Цюрихском университете и получает множество приглашений из заграницы (особенно из США) прочесть лекции.

Справка 5 Сабина Шпильрейн⁷

Сабина Шпильрейн — одна из самых известных пациенток в истории психоанализа и один из первых российских психоаналитиков. Ее судьба — предмет многих современных западных статей и монографий. Они будто стремятся восстановить историческую справедливость. Сабина Шпильрейн чаще всего упоминается в связи с Юнгом, как его пациентка и, предположительно, любовница. В тени остается тот факт, что она была талантливым психоаналитиком и ее статьи свидетельствуют о самостоятельности ее мышления. Тем обиднее, что в России Сабина Шпильрейн практически неизвестна.

Она родилась в 1885 году в Ростове-на-Дону в семье состоятельного коммерсанта Николая Аркадьевича Шпильрейна и его жены стоматолога Евы Марковны Шпильрейн (в девичестве Люблинской). У супругов было три сына (Ян, Исаак, Эмиль) и две дочери (Сабина и Эмилия). Младшая из них, Эмилия, умерла еще в детстве.

В собственном трехэтажном доме Шпильрейнов иарили строгие порядки, установленные главой семьи. Николай Аркадьевич свободно владел несколькими языками и требовал того же от детей. Наряду с классическими языками, которые дети изучали в гимназии, дома по расписанию отца в определенные дни недели они были обязаны говорить только на немецком, французском или другом языке. За любыми проступками следовало наказание, подчас весьма жестокое.

После окончания восьми классов Екатерининской женской гимназии у Сабины обнаружилось психическое расстройство (по-видимому, отчасти спровоцированное смертью сестры). И тогда отец принял решение, предопределившее ее жизнь и судьбу.

В 1904 году он поместил Сабину в клинику Бургхельцли в Швейцарии. Врачом Сабины стал увлекавшийся психоанализом доктор Карл Густав Юнг. Сабина была первой пациенткой, по отношению к которой Юнг применил методы психоанализа. В полном соответствии с теорией переноса пациентка влюбилась в женатого врача. По объективным свидетельствам, Юнг отвечал ей взаимностью, что до сих пор ставится ему в упрек. Их бурный роман до сих пор время от времени обсуждается в психоаналитической литературе.

По-видимому, Юнг сумел помочь Сабине. Во всяком случае, после десятимесячного курса интенсивной терапии Сабина в 1905 году поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, где специализировалась по психотерапии, психоанализу и педологии. Юнг, однако, продолжал лечение (вплоть до 1909 года) и с 1906 года как врач обсуждал случай с пациенткой Сабиной Шпильрейн в переписке с Зигмундом Фрейдом.

---

⁷ По материалам статьи: Овчаренко В. И. Судьба Сабины Шпильрейн // Психоаналитический вестник. 1992. № 2.

Учась в университете, Сабина все больше увлекалась психоаналитическими идеями, а в 1909 году сама вступила в переписку с Фрейдом. Она успешно закончила обучение и в 1911 году защитила диссертацию «О психологическом содержании одного случая шизофрении». В этом же году новоявленный доктор медицины Сабина Шпильрейн завершила интересную работу «Разрушение как причина становления» (опубликована в 1912 году), в которой предвосхитила важную идею Фрейда, определив садистский компонент сексуального влечения как «деструктивное» влечение. В этом же году она лично познакомилась с Фрейдом и стала активным членом Венского психоаналитического общества.

В 1912 году Сабина Шпильрейн вышла замуж за российского врача Павла Наумовича Шефтеля. Свадьбу сыграли в Европе. Через год у них родилась дочь, названная Ренатой.

В течение последующих лет Сабина Шпильрейн работала в различных немецких, швейцарских и австрийских центрах: психиатрической клинике у Эйгена Блейлера, психоневрологической клинике Бонхэфера (Берлин), занималась психоанализом у Юнга и Фрейда, исследовала мифологию и историю искусства, работала врачом-педологом в лаборатории Клапареда и др. Изучала гармонию, контрапункт и композицию. Провела психоаналитическое исследование «Песни о Нибелунгах» и сказок. Опубликовала ряд статей в различных европейских журналах. Участвовала в работе съездов, конференций и конгрессов по педагогике, психологии, психиатрии, медицине и психоанализу.

Деятельное участие Сабины Шпильрейн в развитии и пропаганде психоанализа и психоаналитического движения принесло ей определенное признание.

Время ученичества давно прошло, теперь она сама обучала психоанализу. Пожалуй, наиболее известным из ее учеников стал швейцарский психолог Жан Пиаже (1896-1980), чьим психоаналитиком она была в Женеве в 1921 году.

В 1923 году с благословения Фрейда, заинтересованного в распространении психоанализа в России, Сабина Николаевна Шпильрейн-Шефтель вместе с семьей вернулась на родину. Муж уехал в Ростов-на-Дону, где занялся врачебной практикой, а Сабина попыталась начать новую жизнь в Москве.

После пережитых и переживаемых Россией потрясений рассчитывать на материальное благополучие не приходилось. Семья потеряла практически все, что имела. И Шпильрейн, с полным на то основанием, отвечая на вопрос о ее имущественном положении, написала коротко, ясно и зло: «Ни у кого ничего нет!» Сабина с головой уходит в работу. С сентября 1923 года она работала врачом-педологом в Москве, заведовала секцией детской психологии в I Московском государственном университете и была научным сотрудником Государственного психоаналитического института и детского дома-лаборатории «Международная солидарность». В этом институте она вела амбулаторный прием, консультировала, читала спецкурс «Психоанализ подсознательного мышления», вела «семинарий по детскому психоанализу», принимала деятельное участие в «медицинских заседаниях сотрудников» института и работе Русского психоаналитического общества.

В списке штатных сотрудников Государственного психоаналитического института (под руководством профессора Ивана Дмитриевича Ермакова) в первой половине 1924 года значился только один штатный научный сотрудник — Сабина Николаевна Шпильрейн. Один-единственный, но зато какой. В заполненной ею анкете доктор медицины и автор около 30 научных трудов Сабина Николаевна Шпильрейн-Шефтель написала: «Работаю с наслаждением, считая себя рожденной и „призванной“ как бы для моей деятельности, без которой не вижу в жизни никакого смысла».

Ее приход в Психоаналитический институт совпал со сложным периодом становления этой организации и вызвал настороженное отношение со стороны некоторых сотрудниц. Она хотела лечить детей, но ее желания не всем были по душе. В том же анкетном листке, высказывая пожелания об улучшении работы института, Шпильрейн написала: «В психоаналитическом институте считала бы необходимым лично наблюдать детей, чтобы беседы с руководительницами не сводились к чисто теоретическим рассуждениям и „платоническим“ советам заочно».

Она верила в себя как специалиста и хотела работать на пределе профессиональных возможностей. В этот период мысли ее неоднократно обращались к болезни Ленина, и она несколько раз говорила близким людям, что если бы ей разрешили, то она вылечила бы его. Учитывая характер и размеры органического поражения мозга Ленина, это представляется маловероятным.

У нее были большие профессиональные планы, но по семейным обстоятельствам в 1924 году Сабина Шпильрейн была вынуждена оставить Москву и переехать к мужу и отцу в Ростов-на-Дону. К этому времени город уже мало походил на Ростов ее юности. Жилось впроголодь. В этот период самым светлым моментом стало для нее рождение второй дочери Евы. Не мыслившая себя без любимой работы, Сабина Шпильрейн трудилась врачом в поликлинике и отдавала все, что могла, дефективным и трудным детям. Формально она была обычным врачом, но в действительности работала одновременно как психиатр, психотерапевт и педолог, успевая при этом заниматься научной работой.

Во второй половине 1925 года власти упразднили Государственный психоаналитический институт и постепенно усиливали идеологический нажим на психоаналитиков. Сабина Шпильрейн продолжала работу и писала статьи по психоанализу вплоть до начала 30-х годов. В 1931 году один из ведущих психоаналитических журналов — «Имаго» — опубликовал ее статью о детских рисунках, выполненных с открытыми и закрытыми глазами.

Ее жизнь и работа в Ростове-на-Дону с 1924 по 1942 год — наименее известный период жизни, сведения о котором пока основываются главным образом лишь на нескольких фактах и немногих (не всегда достоверных) свидетельствах очевидцев.

Она много работала и лишь изредка совершала кратковременные поездки в Москву. По мере развития событий в стране ее деятельность как психоаналитика и педолога (к тому же бывавшего за границей) становилась все более опасной. Занятия такого рода уже фактически приравнивались к особо опасным государственным преступлениям со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К 30-м годам психоанализ был уже почти полностью искоренен. В 1932 году был ликвидирован журнал «Педология». Критика и нападки на педологию постоянно усиливались и завершились в 1936 году очередным погромом, начало которому положило постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». На педологические организации, ученых и их книги обрушились репрессии.

И без того нерадостное положение и настроение Сабины Шпильрейн ухудшалось с каждым годом. Сталинские репрессии коснулись и ее семьи. В 1935 году НКВД арестовало ее брата профессора Исаака Шпильрейна. В 1937 году от сердечного приступа скончался муж. В том же году еще два брата Сабины были арестованы один за другим и вслед за Исааком сгинули в ГУЛАГе. Год спустя умер отец. Можно лишь гадать, что на сей раз спасло саму Сабину Шпильрейн — чудо, или традиционное российское разгильдяйство, или люди добрые незаметно помогли врачу своих детей, — но факт остается фактом: она выжила и сохранила дочерей. Девочки подросли, похорошели и очень увлеклись музыкой, к которой проявили большие способности. И поныне некоторые жители города вспоминают, как в теплые времена года из распахнутых окон дома, где проживала необычная семья Сабины Шпильрейн, почти постоянно звучала классическая музыка.

Летом 1941 года после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз старшая дочь Рената, учившаяся в Москве музыке, приехала в Ростов-на-Дону. Она осталась с матерью и устроилась на работу нянечкой в яслях. Фронт стремительно приближался к городу. По злой иронии судьбы Сабина Шпильрейн, соавтор психоаналитического учения о садистских компонентах влечений и идеи о деструктивном влечении, не верила, что немцы способны на зверское обращение с гражданским населением. По складу ума и характера она всегда была немного «не от мира сего». Она вспоминала Германию периода своей бурной молодости и не могла поверить, что столь культурный народ, как немцы, может причинить вред. Ее уговаривали бежать, но она отказывалась и говорила племяннице, что слухи о

зверствах нацистов преувеличены пропагандой.

Стратегически важный город с полумиллионным населением готовился к обороне. Но уже 19 ноября

1941 года гитлеровцы вышли к окраине города, а 21 ноября оккупировали его.

Ростов-на-Дону был одним из немногих городов России, на долю которого выпало за одну войну две оккупации. Первую из них, с 21 ноября по 29 ноября 1941 года, Сабина Шпильрейн и ее дочери пережили, по-видимому, в первую очередь в силу ее скоротечности, хотя и за эти дни нацисты уничтожили немало мирных жителей. До лета 1942 года части Красной Армии удерживали Ростов-на-Дону, хотя город подвергался ожесточенным налетам авиации. Семья Сабины Шпильрейн пережила их все, в том числе и самый страшный налет 18 июля 1942 года. Население города, как всегда, страшилось худшего и надеялось на лучшее. Но 27 июля

1942 года гитлеровцы вторично оккупировали город. Тут же начались массовые расстрелы горожан. Этот конвейер смерти работал вплоть до 14 февраля 1943 года, когда Красная Армия наконец заняла Ростов-на-Дону. Но до окончания второй оккупации Сабина Шпильрейн не дожила.

Последний раз ее вместе с дочерьми видели летом 1942 года в колонне евреев, которую нацисты гнали в направлении Змеевской балки — огромных оврагов на окраине города.

В 1906 году рождается вторая дочь, названная Анной. Юнг публикует вторую монографию по шизофрении. Применяя в клинике с пациентами-шизофрениками психотерапевтические методы, Юнгу приходилось соблюдать осторожность, иначе его обвинили бы в фальсификации. Шизофрению называли тогда *dementia praecox* (необратимое состояние, не поддающееся лечению). Даже само название говорило о ее неизлечимости. Если кто-то добивался успеха в лечении таких больных, считалось, что это была не шизофрения. Монография по шизофрении была написана в русле идей Фрейда, книги которого — «Исследования истерии» (1895), «Толкование сновидений» (1900) и «Три очерка по теории сексуальности» (1905) — оказали заметное влияние на Блейлера и Юнга. Психоанализ (а этот термин был введен Фрейдом в 1896 году) представлял собой метод лечения пациентов, при котором они рассказывают о своих проблемах, а психоаналитик комментирует их в свете аналитических наблюдений. Юнга заинтересовало, может ли анализ быть эффективным в работе с пациентами, которых он наблюдал в Бургхельцли. Он нашел, что основные принципы и методы фрейдовского толкования сновидений исключительно плодотворны и способны объяснить шизофренические формы поведения. Идеи Фрейда были близки его собственным идеям. Особенно его заинтересовал механизм «вытеснения», заимствованный Фрейдом из психологии неврозов (по образованию Фрейд был врачом-невропатологом). В ассоциативных тестах Юнг часто сталкивался с реакциями подобного рода: пациенты не могли найти ответ на то или иное слово-стимул или медлили дольше обычного. Такие аномалии имели место, когда слова-стимулы затрагивали некие болезненные или конфликтные психические зоны. Согласно «Толкованию сновидений» — получалось, что здесь срабатывает механизм вытеснения. Однако Юнг был в корне не согласен с Фрейдом по вопросу о том, что именно вытеснялось. Фрейд видел причины вытеснения только в сексуальных травмах. Но Юнг наблюдал, что часто его пациенты страдали неврозами, в которых главную роль играли не вопросы секса, а другие факторы: плохая приспособленность к жизни в обществе, угнетенное состояние из-за жизненных трудностей, вопросы престижа и т. д. Однако во многом их взгляды совпадали. Требовалось определенное мужество, чтобы открыто объявить о приверженности идеям Фрейда. В тогдашних медицинских кругах он был *persona populi grata* и его имя избегали упоминать. Совпадение результатов Юнга с выводами Фрейда не сулило первому ничего хорошего, ведь он только начинал свое восхождение по карьерной лестнице. В результате идеи, высказанные Юнгом в этой монографии, не вызвали одобрения. Втихомолку над ним посмеивались.

Юнг отправляет Фрейду свою монографию по *dementia praecox*, и между ними

завязывается оживленная переписка.

В 1907 году Юнг получает приглашение приехать в Вену и впервые встречается с Фрейдом, который старше его на 19 лет. Они встретились в час дня и проговорили 13 часов подряд, практически не прерываясь. «Фрейд был первым действительно выдающимся человеком, встретившимся мне. Никого из моих тогдашних знакомых я не мог сравнить с ним. В нем не было ничего тривиального. Это был необыкновенно умный, проницательный и во всех отношениях замечательный человек». С этого момента Юнг активно участвует в зарождающемся психоаналитическом движении. Отношения Юнга с Фрейдом быстро переходят в тесную профессиональную дружбу.

Идеи Фрейда быстро захватили умы самых блестящих интеллектуалов того времени. Вокруг него сформировался круг единомышленников, которые в 1902 году образовали Венский психоаналитический кружок, переименованный в 1908 году в Венское психоаналитическое общество. Юнг был принят в общество сразу и безоговорочно как «старший сын» и «наследник».

В 1908 году Юнг участвует в I Международном психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге, где знакомится с большей частью того сообщества, благодаря которому психоанализ приобрел в мире огромную популярность. Он становится главным редактором *Zeitschrift für Psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* («Психоаналитические и психопатологические исследования»). Фрейд был заинтересован в Юнге и с чисто практической точки зрения. В одном из писем к своему последователю Абрахаму он говорит, что без поддержки Юнга психоанализ рискует быть заклейменным как «еврейская наука». Фрейд возлагает на Юнга большие надежды.

Несмотря на обширные организационные обязанности, Юнг не прекращает врачебной, научной и педагогической деятельности.

Юнг покупает небольшой участок земли в Кюснахте на берегу озера и строит трехэтажный дом. Его частная практика все ширится, и в конце концов ему приходится отказаться от места в клинике Бургхельцли, так как он просто не справляется с обязанностями. В должности приват-доцента он остается до 1913 года. В этом же году рождается его единственный сын Франц.

Практика Юнга процветала, в частности, благодаря одному занятному случаю. На лекциях он демонстрировал своих пациентов в качестве наглядного примера. Как-то к нему обратилась пожилая женщина, с трудом передвигавшаяся на костылях. Уже 17 лет она страдала от паралича. Юнг усадил ее в удобное кресло и попросил рассказать о болезни. Женщина говорила очень долго, и Юнг из-за отсутствия времени вынужден был ее прервать. «Достаточно, — сказал он, — у нас мало времени, сейчас я буду вас гипнотизировать». При этих словах женщина немедленно впала в глубокий транс — безо всякого гипноза — и продолжала описывать свои поразительные сны. Значение этих снов Юнг, не имея еще достаточного опыта, понять не смог и решил, что это своего рода бред. Ситуация становилась все более и более неловкой, студенты могли стать свидетелями фиаско своего преподавателя. Попытки разбудить ее сначала не дали никакого результата. Юнг не на шутку испугался: вдруг он спровоцировал у пациентки скрытый психоз? Ему стоило больших усилий скрыть от студентов свое волнение. Когда женщина очнулась, у нее сильно кружилась голова. Юнг сказал ей: «Я ваш доктор, все в порядке!» В ответ она воскликнула: «Но я исцелилась!» Она отбросила костыли и сделала несколько шагов. «Ну, теперь вы видите, как работает гипноз», — сказал Юнг студентам, хотя на самом деле понятия не имел, что произошло. А женщина ушла в прекрасном настроении и разнесла весть по всей округе о волшебнике Юнге. Ее боли больше не повторялись, она вылечилась. Описанный случай заставил Юнга отказаться от применения гипноза, хотя в то время этот метод был очень популярен.

Впоследствии выяснилось, что ее сын страдал слабоумием и содержался на отделении Юнга. Он был тогда совсем молодым врачом и воплощал в себе то, что она, как ей казалось, мечтала найти в сыне. Она хотела быть матерью выдающегося человека и мысленно сделала

Юнга своим сыном, рассказывая о чудесном исцелении. Конечно, сама женщина этого не осознавала. И так получилось, что Юнг оброс клиентурой благодаря тому, что в воображении любящей матери он занял место ее слабоумного сына! К Юнгу приезжали пациенты не только из Европы, но и из Америки. Много позже, например, он лечил дочь Рокфеллера.

Юнг находился в непрерывном поиске новых методов психотерапии. Уже в 1909 году ему стало ясно, что он не сможет лечить психозы, если не поймет их скрытой символики. Так Юнг начал изучать мифологию, интерес к которой, возможно, пробудился уже тогда, когда, будучи маленьким мальчиком, он разглядывал рисунки в книжке об экзотических религиях.

С 1908 по 1911 год Юнг ведет активную переписку с Фрейдом. Он разделяет его позиции, хотя уже в этот период намечаются их разногласия. Сексуальную теорию Фрейда Юнг до конца так и не принял. К слову сказать, все «птенцы гнезда фрейдова» далеко отошли в теоретическом плане от отца-основателя. В этом смысле у него нет ни одно прямого наследника. Юнг интересовался европейским и восточным оккультизмом и полагал, что религия — это великая сила, помогающая человеку достичь самореализации. Сны и фантазии он рассматривал как плод коллективного бессознательного, в котором заключен опыт всего человечества. Искания Юнга в духовной сфере, конечно, шли вразрез с «приземленными» теориями Фрейда, который все пытался свести к сексуальным проблемам. Фрейд не понимал религии и считал, что ее место должна занять наука. На это Юнг отвечал, что «религия может быть заменена только религией». Когда однажды Юнг поинтересовался мнением Фрейда о ясновидении и парапсихологии, Фрейд отрезал: «Полная чушь!», первый с трудом удержался от резкого ответа.

В 1909 году Юнг и Фрейд читают лекции в США в Университете Кларка (штат Массачусетс). Обоим присвоено звание *honoris causa* (почетный доктор). Им был оказан необычайно теплый прием. С этого момента начинается история психоанализа в США. Пожалуй, именно в этой стране психоанализ получил наибольшее признание.

В этот период начинается становление Юнга как самостоятельно мыслящего ученого; постепенно он отходит от классического, как сказали бы теперь, психоанализа. Он проглатывает тома по мифологии, этнографии, религиоведению, астрологии. У Юнга постепенно вырисовывается концепция его следующей книги — «Символы и метаморфозы либидо». Фрейд также занимается символами, мифами, сновидениями и первобытным мышлением. Однако для Фрейда мифы не более чем индивидуальные детские фантазии, сводимые к принципу удовольствия⁸. Для Юнга мифология — это выражение универсально-человеческого, коллективного бессознательного. По-разному эти двое ученых определяли для себя и либидо. Юнг не мог смириться с тем, какую роль отводил Фрейд либидо: он практически абсолютизировал его. По мнению Юнга, либидо не должно пониматься в сугубо сексуальном плане. В то время Фрейд связывал либидо (психическую энергию) с сексуальным влечением (впоследствии он также добавил к своей концепции влечение к смерти). Для Юнга же либидо есть психическая энергия вообще, лишь в отдельных случаях она выступает как сексуальное влечение. Психика, по Юнгу, — это саморегулирующаяся система, в которой идет постоянный обмен энергиями между ее элементами. Обособление какой-либо части психики ведет к утрате энергетического равновесия. Другими словами, сознание отрывается от бессознательного (это свойственно современному человеку), и последнее пытается компенсировать этот разрыв. В проблемных ситуациях, с которыми сознание справиться не может, бессознательное подключает свою энергию и говорит с нами прежде всего в наших снах.

По мнению Юнга, Фрейд «принимал сексуальную теорию слишком близко к сердцу»,

---

⁸ По Фрейду, это принцип регуляции психической жизни. В его основе лежит бессознательное стремление человека избегать неудовольствия и неограниченно получать наслаждение.

для него она была чем-то нуминозным, то есть божественным. Юнг вспоминал в автобиографии, что однажды Фрейд сказал ему: «Мой дорогой Юнг, обещайте мне, что вы никогда не откажетесь от сексуальной теории. Это превыше всего. Понимаете, мы должны сделать из нее догму, неприступный бастион». Он произнес это со страстью, тоном отца, наставляющего сына: «Мой дорогой сын, ты должен пообещать мне, что будешь каждое воскресенье ходить в церковь». Скрывая удивление, Юнг спросил его: «Бастион — против кого?» — «Против потока черной грязи... — На мгновение Фрейд запнулся и добавил: — Оккультизма». Для Юнга такая позиция была неприемлема. Он относился к тому разряду ученых, для которых любая гипотеза либо теория ценна до тех пор, пока соответствует сегодняшнему дню и современным данным. Гипотеза не может оставаться неизменной на все времена. Вне сомнения, если бы Юнг жил в наше время, его теоретические воззрения были бы другими. Фрейд же пытался, как считал Юнг, сделать из своей теории догму, нечто, не нуждающееся в доказательствах, стремился ввести личный диктат. Догма всегда подразумевает слепую веру, не допускающую каких-либо сомнений. «И тогда мне стало понятно, что наша дружба обречена; я знал, что никогда не смогу примириться с подобными вещами. К оккультизму Фрейд, по-видимому, относил абсолютно все, что философия, религия и возникшая уже в наши дни парапсихология знали о человеческой душе. Для меня же и сексуальная теория была столь же оккультной, то есть не более чем недоказанной гипотезой, как всякое умозрительное построение. Как мне представлялось, научные истины являются такими гипотезами, которые могут быть адекватны моменту, но не могут сохраняться как символы веры на все времена».

В 1910 году проходит II Международный конгресс психоанализа. Отношения между Фрейдом и Юнгом уже не столь теплые, но тем не менее именно Фрейд настаивает, чтобы Юнга выбрали постоянным президентом конгресса. Он откажется от этой должности в 1913 году. В этом же году у Юнга рождается третья дочь, Марианна.

В 1911 году публикуется первая часть книги «Символы и метаморфозы либидо», где Юнг отходит от ортодоксального психоанализа того времени. Он пишет о мифологическом первобытном мышлении как о важнейшем аспекте человеческого бытия в современном мире. Первобытный человек не обладал развитым сознанием, а поэтому не чувствовал себя оторванным от матери-природы. Внутреннее Я (субъект) сливалось с окружающим миром (объект). Современным людям, помимо приспособления к внешнему миру, необходимо сохранять гармонию с внутренним миром, с бессознательными детерминантами поведения и мышления. Дикарю помогают сохранять гармонию мифы, магия и ритуалы. В первобытном обществе мифы и магические обряды помогали человеку приспособиться к внутреннему миру. Современное человечество оказалось в опасном отрыве от жизненной почвы, так как у него слишком развито логическое мышление. Юнг вводит понятия интровертированного и экстравертированного мышления. Логическое мышление экстравертивно, то есть поток мышления направлен вовне, на внешнюю реальность. Западная цивилизация являет собой экстремальный случай экстравертивности: в ней сила, власть над природой, могущество, контроль связываются со знаниями. Интровертированное мышление (ненаправленное, интуитивное) направлено в глубь человека и представляет собой набор образов, а не понятий. Оно необходимо для художественного творчества, мифологии, религии, внутренней гармонии. «Все те творческие силы, которые современный человек вкладывает в науку и технику, человек древности посвящал своим мифам. В сновидениях контроль логического мышления ослабевает и у современного человека, он снова вступает в утраченное им царство мифологии. Но современное человечество, совершившее горделивый отказ от „предрассудков“, насчитывает лишь с десятков поколений. В коллективном бессознательном осели праформы, которые находят свое выражение именно в мифах. Даже если бы все религиозно-мифологические традиции были одним ударом уничтожены, то вся мифология возродилась бы уже в следующем поколении, поскольку символы религии и мифологии укоренены в психике каждого индивида, они унаследованы нами от тысяч поколений. Массы всегда живут мифами, от них в переходные эпохи могут избавиться лишь

небольшие группы людей, да и они крушат старые мифы, освобождая место для новых; но это „новое" в действительности есть лишь забытое старое».

В феврале 1912 года Юнг завершает вторую и заключительную часть книги, она называется «Жертвоприношение». В частности, в ней он показывает, что фантазии инцеста имеют символическое, а не буквальное значение. Для Юнга основополагающую роль в инцесте играет религиозное содержание; во всех мифологиях инцест занимает важное место. Фрейд с неудовольствием относится к идеям Юнга, и в их переписке начинает сквозить напряженность. 25 февраля Юнг создает Общество психоаналитических исследований для развития его собственных идей. Кратко говоря, отличие его идей от идей Фрейда в следующем: вытеснение не может объяснить все; бессознательные образы могут иметь телеологическое значение; либидо — это не только сексуальная энергия.

Часто полагают, будто разрыв между Фрейдом и Юнгом был вызван именно публикацией этой, абсолютно «нефрейдистской», работы. Но были и личные мотивы. Искорка непонимания пробежала между ними давно, еще в 1909 году. Однажды Юнг спросил Фрейда, что тот думает о парапсихологии. Естественно, Фрейд не думал о ней ничего хорошего и стал приводить свои аргументы. Внутреннее напряжение Юнга все нарастало, и вдруг он почувствовал, что его диафрагма как будто раскалилась и даже начала светиться. В этот момент из стоявшего поблизости шкафа раздался страшный грохот. Оба в испуге отскочили. «Вот вам пример так называемой каталитической экстериоризации», — сказал Юнг. «Оставьте, — разозлился Фрейд, — это совершеннейшая чушь». «Нет, профессор, — воскликнул Юнг, — вы ошибаетесь! И я это вам докажу: сейчас вы услышите точно такой же грохот!» Как только он произнес эти слова, грохот повторился. Фрейд ошеломленно посмотрел на него. Юнг так и не понял, откуда у него взялась такая уверенность, но он был убежден, что это произойдет. Они больше никогда не обсуждали этот случай.

Другой случай произошел во время их совместного путешествия в Америку. Их любимым занятием было пересказывать друг другу сновидения и толковать их. Эти беседы обогащали обоих. Юнг внимал Фрейду как человеку старшему, испытывал к нему сыновнее чувство. Фрейд рассказал свой сон, и Юнг, как мог, попытался объяснить его, добавив, что сказал бы больше, если бы Фрейд поведал ему о некоторых обстоятельствах его личной жизни. «Фрейд бросил на меня странный подозрительный взгляд и сказал: „Но я ведь не могу рисковать своим авторитетом!" В этот момент его авторитет рухнул. Эта фраза осталась на дне моей памяти, она явилась концом наших отношений. Фрейд поставил личный авторитет выше истины».

Во время работы над «Символами...» Юнгу приснился сон, предсказавший, как он считал, его разрыв с Фрейдом. Ему приснилось, что он стоит на границе Австрии со Швейцарией и видит австрийского имперского таможенника. Тот прошел мимо него, не сказав ни слова. Во сне были и другие люди, и кто-то из них сказал, что это призрак таможенного чиновника. Юнг истолковал это так: таможня — это цензура, граница — грань между сознанием и бессознательным, а также его с Фрейдом расхождения. Цензура означает невозможность иметь собственное мнение. Таможенный досмотр — это психоанализ, так как последний тоже проверяет содержимое, только не чемоданов, а психики. А старый таможенник — Фрейд, которому работа приносила больше горечи, чем удовлетворения, отсюда и раздраженное выражение лица.

Наконец, когда Фрейд заговорил о своей теории как о догме, Юнг понял, что не может больше сотрудничать с ним.

Сторонники Фрейда обычно винят в разрыве Юнга, а сторонники Юнга — Фрейда. По-видимому, разрыв этих двух людей был закономерен, потому что они слишком по-разному относились к жизни.

В 1913 году Юнг получает письмо от Фрейда о невозможности дальнейшей совместной работы. Обоим ученым разрыв дался крайне нелегко, ведь между ними существовали отношения, которые сами аналитики называют «переносом». Иными словами, Фрейд видел в

Юнге сына, а Юнг во Фрейде — отца. Фрейд чувствовал, что Юнг предал его, а Юнг чувствовал себя покинутым Фрейдом. Юнг уходит со всех постов в Психоаналитической ассоциации, оставляет он и преподавание в Цюрихском университете, мотивируя это тем, что его частная практика слишком разрослась. Вполне возможно, однако, что это было связано с состоянием его здоровья. У Юнга было нервное истощение, начавшееся еще за год до разрыва, когда ему стали сниться яркие катастрофические сны. В этот период ему сильно помогли американские филантропы Эдит и Гарольд Мак-Кормик. Эдит стала клиентом Юнга, а также первым богатым и очень щедрым спонсором.

После разрыва с Фрейдом Юнг оказывается в полной изоляции. Он порывает отношения практически со всеми друзьями и знакомыми. Это критический период для Юнга, продолжавшийся примерно 6 лет, до 1918 года. То было время внутренних колебаний — Юнг чувствовал, что утратил все ориентиры и не может нащупать почву под ногами. Он не стремился к созданию чего-то нового, он обобщал и обдумывал ранние свои открытия.

Долго он не мог придумать название своему методу психоанализа, поставить «личное клеймо». Он колеблется между «комплексной психологией» и «герменевтической психологией» но спустя некоторое время принимает окончательно решение, и рождается название — «аналитическая психология».

Юнг убирает барьер между сознанием и бессознательным и полностью погружается в бессознательное. Его мучают страшные сны и фантазии, в основном о живых мертвецах. Например, он видел трупы в печах крематория, а после оказывалось, что это еще живые люди. Эти сны, хоть и произвели на него страшное впечатление, не помогли избавиться от внутренней неуверенности, даже после их анализа. Тогда Юнг сказал себе: «Раз уж я ничего не знаю, все, что мне остается, — это просто наблюдать за происходящим со мной». Таким образом, он намеренно предоставил свободу своему бессознательному.

Ежедневно после обеда и перед приемом пациентов он строит из камней игрушечную деревню с церковью и замком. Для него это своего рода ритуал, объяснение которому он пока не может найти. В это время существует два Юнга: один — это собранный врач, профессионал, полностью отдающий себя пациентам; а другой погружается в толкование ночных видений и медитирует на берегу озера. Очевидно, это строительство дало выход творческим импульсам, и фантазии хлынули потоком. Их Юнг тщательно записывал.

В октябре, когда он путешествовал в одиночестве, его посетило видение: чудовищный поток, накрывший пространство от Англии до России. Видение продолжалось около часа. Юнг видел море с желтыми волнами, несущее какие-то обломки и бесчисленные трупы. Затем море превратилось в кровь. Спустя две недели видение повторилось, и будто чей-то голос сказал: «Смотри, вот что произойдет». Несколько раз ему снилось, что в разгар лета наступает арктический холод. Юнг решил, что ему угрожает психоз. Мысль о том, что это может быть прорицанием грядущего, даже не приходила ему в голову.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война.

Поток фантазий был непрерывным, Юнг стал опасаться того, что не сможет выдержать его чисто физически и надломится. «Во мне поселился некий демон, с самого начала внушавший, что я должен добраться до смысла своих фантазий. Я чувствовал, что некая высшая воля направляла и поддерживала меня в этом разрушительном потоке бессознательного. И она же в итоге дала мне силы выстоять». Этот диалог с бессознательным был для Юнга научным экспериментом, подопытным в котором стал он сам. Фантазии вызывали у Юнга ужас и отвращение, он боялся потерять над собой контроль. Он все время прибегал к йоге и медитации для успокоения нервов. Ему явился образ, назвавшийся Филемоном, с которым Юнг вел долгие воображаемые беседы. Это был старик со связкой ключей в руках и с крыльями за спиной. Окрас его крыльев напоминал зимородка. Интересно, что тогда же Юнг наткнулся в своем саду на мертвого зимородка и был потрясен совпадением: в Цюрихе зимородки попадались нечасто. Для Юнга Филемон был кем-то вроде индийского гуру. Самое главное для Юнга было то, что фантом говорил вещи, которые никогда не пришли бы ему в голову. Лет через пятнадцать Юнга посетил пожилой

интеллигентный индус, друг Ганди. Они беседовали в том числе о гуру и учениках. Юнг попросил гостя рассказать о личности и характере его собственного гуру. Гость совершенно серьезно ответил, что это был Чанка-рачара, комментатор «Вед». «Позвольте, — изумился Юнг, — но ведь он умер четыреста лет назад. Следовательно, это был его дух?» — «Разумеется, — ответил гость, — такие духи-призраки существуют. У большинства людей живые гуру, но всегда были люди, у которых наставниками были духи». Этот разговор частично успокоил Юнга. Оказывается, то, что происходило с ним, бывало и с другими людьми, значит, он не окончательно утратил связь с реальностью. Впрочем, «нормально» это было для восточной традиции, но не для христианства, которое подобные переживания рассматривает как ересь.

Опорой в его путешествии в глубь себя Юнгу служили дом и работа. Это были реальные, самоочевидные вещи, которые напоминали Юнгу о его существовании в этом мире. «Погружаясь в бессознательное, я временами чувствовал, что могу сойти с круга. Но я знал, что у меня есть диплом врача и я должен помогать больным, что у меня жена и пятеро детей, что я живу в Кюснах-те на Озерной улице, 228, — все это было той очевидностью, от которой я не мог уйти. Ежедневно я убеждался в том, что на самом деле существую и что я не легкий лист, колеблемый порывами духовных бурь». Юнг боялся, что сойдет с ума так же, как сошел с ума Ницше, сходство с которым он улавливал в себе. У Ницше тоже была личность номер два — Заратустра. Вопреки всем медицинским диагнозам (у Ницше был сифилис) Юнг считал, что Ницше утратил почву под ногами, потому что не имел ничего, кроме собственных мыслей, которые в конце концов завладели им. У него не было корней, он парил над землей и поэтому впадал в крайности. «Семья и работа всегда оставались надежной реальностью моей жизни, гарантией того, что я нормален и действительно существую».

Запись своих фантазий Юнг назвал «Красной книгой». «Красная книга» — это небольшой том в сафьяновом переплете, напоминающий по форме средневековые рукописи; и шрифт, и язык в нем стилизованы под готику. Она никогда не издавалась и хранится как реликвия в доме в Кюснахте. Наследники Юнга даже не позволяют посторонним держать ее в руках. Книга также содержит зарисовки его фантастических видений и мандалы (см. Справку 6).

Справка 6 Мандала как самоисцеляющая сила

Многие пациенты Карла Густава Юнга в ходе сеансов спонтанно рисовали мандалу. По Юнгу, для создания таких рисунков необходимо определенное состояние сознания. Критическое внимание (страж человеческого сознания) понижается до некоторой отметки, и содержание бессознательного может «подняться наверх». Оно (содержание) принимает форму, которую сознание может воспринять.

Такое состояние возможно пережить во сне, при технике активного воображения или при любых медитативных практиках. Во всех этих состояниях мандала выступает как спонтанное выражение бессознательных импульсов.

Накопив достаточное количество материала, Юнг установил, что существуют типичные ситуации, при которых мандала выступает как проявление бессознательных содержаний:

- при нарушениях психического равновесия;
- при духовной дезориентации;
- при хаотической дезориентации;
- в ситуациях, когда бессознательное грозит прорваться в сознание;
- в ситуациях, сопряженных с тревогой и внутренними конфликтами;
- при хаотических психических состояниях.

Юнг установил, что люди, находившиеся в определенном состоянии духа, спонтанно

рисовали мандалу. Вот эти состояния:

- духовное и психическое замешательство;
- нарушенное внутреннее равновесие;
- душевная боль;
- глубокая растерянность;
- дезориентация.

По мнению Юнга, мандала выполняет четыре основные функции: в ситуациях, вызывающих тревогу, она дает защиту и успокоение; при дезориентации указывает на цель и задает направление дальнейшей деятельности; при хаотических состояниях дает чувство целостности, порядка и целенаправленной структуры; вызывает общее чувство интереса и любопытства.

Можно сказать, что мандала не только служит выражением порядка, но и сама упорядочивает внутреннюю жизнь человека. Это психокосмограмма, схема распада целого на части и интеграции частей в целое.

В 1916 году психическое напряжение Юнга было столь велико, что потусторонние явления стали прорываться в реальный мир. Дом Юнгов наводнили духи. Однажды ночью его старшая дочь

увидела фигуру, пересекавшую комнату. Другая пожаловалась, что за ночь у нее дважды пропадало одеяло. Сыну Юнга приснился страшный сон. В пять часов дня кто-то позвонил в дверной звонок. Был солнечный день, площадка перед дверью хорошо просматривалась. Все бросились открывать дверь, но за ней никого не оказалось, хотя Юнг даже видел, как покачивается колокольчик. Юнг считал, что эти парапсихологические феномены были спровоцированы его эмоциональным состоянием. «Дом наводнили призраки, они бродили толпами. Их было так много, что я едва мог дышать и без конца спрашивал себя: „Бог мой, что же это такое?“ Призраки отвечали мне: „Мы вернулись из Иерусалима, там мы не нашли того, что искали!“. Эти слова я сделал началом *Septem Sermones*... Затем слова хлынули непрерывным потоком, и за три вечера вещь была написана. И едва я взялся за перо, как весь сонм призраков мгновенно исчез. Наваждение рассеялось, в комнате стало тихо, и воздух очистился».

Так на свет появилась книга *Septem Sermones ad Mortuos* («Семь наставлений мертвым»), опубликованная от имени средневекового гностика Ва-силида Александрийского, в которой Юнг описал видения той поры. Гностицизм был близок Юнгу. В этом сочинении Юнг провозглашает нового бога добра и зла, Абраксаса. Он объединяет истину и ложь. Он и бог, и демон (см. Справку 7). Христианством гностики были объявлены еретиками, поскольку не признавали дуализма Бог-дьявол, добро-зло. Юнг считал, что гностицизм больше отвечает духу человека, который стремится к самопознанию. Его увлечение гностиками длится с 1918 по 1926 год, затем он изучает алхимию.

Справка 7 Гностицизм

Гностицизм (греч. *gnostikos* — познающий) — общее название ряда позднеантичных философско-религиозных течений. В этом учении иудейские, египетские, вавилонские, персидские мифологические представления слились с философскими идеями стоика Посидония, Платона и неопифагорейцев. Учение зародилось раньше христианства, но вобрало в себя многие идеи раннехристианских сект (которые позднее, после победы ортодоксального христианства, были объявлены языческими), поэтому может рассматриваться как языческо-христианское. Христианская церковь уничтожала сочинения гностиков как языческие, поэтому они дошли до наших дней главным образом в виде отдельных цитат, приводимых в сочинениях христианских богословов, боровшихся с гностицизмом. В 1945 году в Египте (город Хенобоскион) был найден большой архив гностических текстов.

Особой чертой, присущей всем направлениям гностицизма, является дуалистическое объяснение мира, источник которого лежит в персидском зороастризме и в некоторых греческих религиозно-философских направлениях. Согласно воззрениям гностиков, борьба света и тьмы, добра и зла имеет универсальное, космическое значение. Она выступает борьбой материи, то есть зла, с духом, носителем света и добра. Зло происходит из материи, добро — от Бога.

Важной проблемой гностицизма была теодицея, то есть доктрина, стремящаяся решить вопрос о происхождении и значении зла в мире, объяснить, почему существует в мире зло, если Бог добр и справедлив. В христианстве она имеет особую роль и вес, ибо эта вера воспринимает, с одной стороны, иудейское представление о мировом творце, а с другой — мир для нее является местонахождением греха, спастись от которого можно лишь верой в Христа. Здесь с необходимостью встает вопрос, почему всемогущий Бог создал мир зла, выход из которого для человека заключается лишь в искуплении.

Гностики решают проблему так: различают Бога-творца и Бога-искупителя. Таким образом, существуют два божества: Бог как всеблагий искупитель и подчиненный ему, даже враждебный, творец (Демиург) мира.

Гностическое понимание божества обусловлено специфическим представлением о месте человека в мире и о его искуплении. Греховность — это не вина человека, так как душа каждого человека является лишь полем боя, на котором происходит вечный спор между добром и злом. Гностики полагали, что эту борьбу между добром и злом человек наблюдает и познает.

Существенной чертой гностицизма была мистика. Превращение Бога в человека и соединение с ним являются великим таинством христианского учения. Мистическая направленность этого учения отвергает логику разума и основывается на неописуемом, бессознательном, экстатическом соединении с Богом и другими сверхъестественными силами и явлениями. Познание Бога у гностиков не рационально, а имеет сверхъестественное содержание.

Расцвет гностицизма приходится на II век нашей эры. Основателями гностицизма считаются Симон Волхв, Менандр, Церинт. В зависимости от тех или иных идей выделяют следующие направления гностицизма: иудейский гносис (Василид — около 130–142; Валентин — около 150), языческий гносис, христианский гносис (Маркион из Синопа, основавший собственную церковь, которая длительное время существовала наряду с ортодоксальной церковью; Сатурнил Антиохийский).

Василид учил, что Христос разрушил Бога иудейского и что христианство в корне враждебно иудейству и язычеству. Маркион ставил христианство выше иудейства и язычества: Бог есть любовь, за Ним следует немилосердный Бог Ветхого Завета; Бог из жалости послал Иисуса, но из-за Демиурга Христа распинают; Христос уже в аду сбрасывает Демиурга, а себе избирает апостола Павла и дает ему чистое Евангелие. К языческим гностикам относятся карпократиане и последователи Симона Волхва с сектами антитактов и николаитов. Затем идут офиты, поклонявшиеся змею, олицетворявшему то зло, то добро. Третья секта языческих гностиков — последователи Иустина. По их учению, женское существо Едема, произошедшее от мужчины, вступает в связь с Демиургом. Рожденные от них люди наполняют землю злом, из которого их не могут вырвать пророки и ангел Варух. Противником зла выступает Христос. Гностики учили, что бездна неизведанного, вечное, невидимое существо, стоит в центре всего, вечно действует и распространяется посредством эманации в суждениях. Они изменили христианское представление о Троице в великую Триаду, олицетворенную в Материи, Демиурге и Искупителе. Высшие истечения, части божественного существа, называются зонами. Они расположены в классы в виде символических чисел и образуют плерому (плерома в гностическом смысле — ничто, из которого рождается все без участия Бога). В мире рассеяны частицы потустороннего света, которые должны быть собраны и возвращены к своим истокам. Гностицизм весьма плодovit различными течениями. Согласно одному из них, самое последнее, совершенное истечение

из плеромы — это Демиург — сочетание света и мрака, силы и слабости; он сотворил мир, заключил в нем наши души и обременил их материей. Он — одна из высших властей божественного разума, мысли, духа — Искупитель — спасает нас от материи. Согласно другому учению, Демиург — представитель и орган высшего Бога, посланный божественным промыслом специально иудеям в качестве Иеговы. Гностики делили людей на 3 разряда:

- 1) связанные и ограниченные материей, земные («плотские»), люди;
- 2) достигающие божественного света, «духовные» люди, или пневматики, и
- 3) способные возвыситься до Демиурга, психики.

К психикам относятся иудеи, а истинные христиане суть пневматики. Искупителем является прежде всего Христос, но его призыву следуют лишь «духовные» люди (пневматики), тогда как не принявшие гностического посвящения «душевные» люди вместо подлинного «познания» достигают лишь «веры», а «плотские» люди вообще не выходят за пределы чувственной сферы. Для гностицизма характерно представление о ступенях, или сферах, мира и их демонических властителях, препятствующих искуплению. Во II веке в Александрии возникла секта василидиан, которая приняла 365 эо-нов, или циклов, творения; о них упоминают Ириней и Епифаний, Ипполит и Климент Александрийский. Из других сект гностиков известны: ператы, наасены, сифиане, фивиониты, стратиоки, которые в своих учениях смешивали противоположные идеи политеизма, пантеизма, монотеизма, философские системы Платона, Пифагора, Гераклита вместе с мистицизмом, демонологией и великим учением Иисуса Христа. В общем, гностиков, безусловно, можно назвать противниками ортодоксального христианства.

К концу второго столетия формирующаяся официальная церковь начинает вести борьбу с гностицизмом. Причиной этого был прежде всего недоступный большинству верующих уровень его суждений. Гностики, как правило, весьма сложно, в аллегорической форме интерпретировали Библию, а это открывало путь к ереси. Неприемлемыми были также их туманные, псевдофилософские и мифологические объяснения. Крайний дуализм этого учения был основан на полной независимости материи от Бога, ограничивал божественное всемогущество и тем самым подрывал монотеистическую сущность христианства.

Позднейшей формой гностицизма можно считать персидское манихейство. Христианство победило гностицизм, однако скрытая гностическая традиция продолжала существовать вплоть до позднего Средневековья. Влияние гностицизма прослеживается в позднейшей неортодоксальной христианской мистике — у немецких философов Я. Беме, Ф. Баадера, Ф. В. Шеллинга; несомненны точки соприкосновения гностицизма с идеями антропософии и теософии. Отдельные гностические мотивы развивались русской религиозной философией (В. Соловьевым и его последователями), немецким философом Л. Циглером.

Из личного опыта встречи с бессознательным рождается вся система психотерапии Юнга. Он справился со своим близким к психозу состоянием и теперь знал, как лечить других.

В 1918 году он проходит медицинскую службу в английском лагере для интернированных. В 1919 году издает «Инстинкт и бессознательное», где впервые вводит понятие архетипа.

В 1920 году Юнгу исполняется 45 лет. Его международная известность растет, в то время как он проходит через «кризис среднего возраста». В течение следующих лет он много путешествует — в основном его интересуют примитивные культуры (например, индейцы пуэбло).

В 1919 году он посещает Алжир и Тунис. Юнгу хотелось побывать в нехристианских странах с иными расовыми и историческими традициями. «То, что европейцы называют восточной невозмутимостью и апатией, мне показалось маской, за которой скрывалось некое беспокойство, волнение, чего я не мог себе объяснить. Странно, но, оказавшись на

марокканской земле, я ощутил то самое непонятное беспокойство: земля здесь имела странный запах. Это был запах крови — словно почва пропиталась ею. Мне подумалось, что эта земля пережила и перемолола в себе три цивилизации — карфагенскую, римскую и христианскую. Посмотрим, что принесет исламу технический век». Юнга поразило, что люди в этих странах жили, не видя неумолимого бега времени: у них не было часов. В своих поступках они руководствовались не разумом, а страстями и инстинктами.

1920 год — это год публикации основной работы Юнга «Психологические типы», семисот-страничного труда, первые четыреста семьдесят которого занимает описание философских систем Индии, Китая и Японии, классической античности, гностиков, Средневековья, Реформации, Возрождения, барокко и Просвещения, воззрений Гёте, Канта, Ницше, Шопенгауэра и Вагнера! Таков был философский кругозор этого великого ученого.

Целью книги было показать принципиальное отличие от концепций Фрейда и Адлера. Главные идеи книги — это выделение дихотомии интроверсия — экстраверсия и четырех функций сознания (мышление — чувство, ощущения — интуиция).

Каждого человека можно отнести к определенному психологическому типу, в соответствии с которым он взаимодействует с внешней средой. Один человек судит о внешнем мире на основании мышления, другой склонен больше полагаться на свои чувства. Первый исходит из своих ощущений, а второй больше из интуитивного постижения скрытых взаимосвязей. Благодаря ощущениям и интуиции мы «добываем» из окружающего мира «факты», которые оцениваем, опираясь либо на мышление, либо на чувство, но никогда на то и на другое сразу. Мышление оценивает вещи с точки зрения «истина — ложь», а чувство — «приемлемо — неприемлемо». Для современного западного человека более характерны мышление и ощущения (сенсорное восприятие). Они подавляют две другие функции (чувство и интуицию), вытесняя их в сферу бессознательного. Переход ведущей роли от сознательных факторов к бессознательным Юнг называет «противобезжностью» (это понятие было введено еще древнегреческим философом Гераклитом). То есть все и всегда перетекает в свою противоположность. Чередование касается всех четырех функций, а также двух векторов психической энергии — экстраверсии и интроверсии.

На рисунке (с. 79) Юнг размещает функции крестообразно. В центре он помещает Эго, обладающее энергией, которую оно направляет по тому или иному вектору. Если человек относится к мыслительному типу, энергия направляется к мышлению (М), а чувство играет подчиненную роль (Ч). Эти две функции отрицают друг друга: мы исключаем чувства, когда думаем, и наоборот.

Этот закон касается и двух других функций: ощущения (О) и интуиции (И). В своих лекциях Юнг так описывает это различие между ними: если человек концентрирует взгляд на каком-нибудь предмете, точке, он действует в режиме ощущения; человек интуитивного типа не смотрит, он окидывает взглядом предметы, выбирая один. Интуиция заключается в том, чтобы воспринять ситуацию в целом, а затем внезапно почувствовать, на чем именно остановить выбор. Это и есть предчувствие.

М
I
I
О--- Э — И
I
I
Ч

Психологические функции

Идея Юнга в том, что человек должен не вытеснять свои подчиненные функции, а постичь их, тем самым способствуя самореализации. Жизненной целью человека должна быть индивидуация, процесс постижения согласованности всех четырех функций.

Экстраверт направляет психическую энергию (либидо) вовне, на окружающий мир. Он избегает оставаться в одиночестве, поскольку поддерживает слабую связь с субъективным

внутренним миром. Интроверт направляет энергию на внутренний мир, уютнее чувствует себя «наедине с собой», чем в больших группах. Каждому человеку присущи обе тенденции, но одна из них развита больше, чем другая. Мыслительный тип чаще встречается у мужчин, а чувственный тип — у женщин.

В 1922 году Юнг покупает отдельно расположенный участок земли на берегу Цюрихского озера, в двадцати пяти километрах восточнее его собственного дома в Кюснахте и в километре от деревушки под названием Боллинген. Прежде это были церковные земли, принадлежавшие монастырю Св. Галла.

В 1923 году умерла мать Юнга, что стало для него страшным ударом — он не был к этому готов. За несколько месяцев до ее смерти он увидел сон, который можно назвать вещим. Ему приснился отец, который был явно чем-то озабочен. Он сказал, что раз уж его сын психолог, то он хотел бы проконсультироваться с ним по вопросам семейной психологии. Юнг было собрался прочитать ему лекцию о супружестве, но тут проснулся. То, что сон этот предвещал скорую смерть матери.

Юнг понял только после ее внезапной смерти. Брак его родителей был несчастлив, оба совершали ошибки, типичные в подобных ситуациях. Отец желал узнать у психолога о новейших достижениях семейной психологии, поскольку ему скоро предстояло вернуться к этой проблеме. «Видимо, там, в вечности, он был лишен возможности получить новое знание», — так расшифровал этот сон Юнг.

После смерти матери Юнг строит на купленном участке второй дом, представляющий собой широкую и устойчивую башню. Юнг обучается добывать камни из каменоломни и обрабатывать их и использует помощь строителей только изредка. Фактически, он возводит этот дом сам. Ни электричество, ни телефон в дом он не проводит, желая сделать там быт как можно более простым. Так детская игра в кубики реализовалась на новом уровне в зрелом возрасте. С годами Юнг проводил там все больше времени. Для Юнга это была своего рода терапия. Сам он пишет в автобиографии, что ощущал, будто слов и бумаги стало ему мало, он захотел воплотить в камне свои мысли и свое знание. «Башня сразу стала для меня местом зрелости, материнским лоном, где я мог сделаться тем, чем я был, есть и буду. Она давала мне ощущение, будто я переродился в камне, являлась олицетворением моих предчувствий, моей индивидуации, неким памятником *aere perrenius* (прочнее меди — лат.). С ее помощью я как бы утверждался в самом себе. Я строил дом по частям, следуя всегда лишь требованиям момента и не задумываясь о внутренней взаимозависимости того, что строится. Можно сказать, что я строил как бы во сне. Только потом, взглянув на то, что получилось, я увидел некий образ, преисполненный смысла: символ душевной целостности». Он уединялся в Башне, когда нуждался в абсолютной тишине и восстановлении сил. В 1927 году он пристраивает к дому еще одну башенку. В 1931 башенка превращается уже в настоящую Башню. В 1939 году Юнг присоединил к Башне двор и лоджию на берегу озера. Это был последний, четвертый элемент. Для Юнга Башня обрела законченность («четыре» было его любимым числом).

В этом же году Юнг отправляется с друзьями в штат Нью-Мехико, к индейцам пуэбло, чья культура и космогоническая религия просто поразили его. Индейцы пуэбло верят, что своими обрядами помогают Отцу (Солнцу), творцу и хранителю жизни на земле, совершать каждодневное восхождение. Если же прекратить совершать необходимые ритуалы, Солнце перестанет всходить через десять лет и наступит вечная ночь. Индейцы живут в предгорье Тао, примерно в 2300 метрах над уровнем моря. Они верят, что живут на крыше мира, ближе всех к Богу, поэтому он слышит их лучше. «Священная Гора, явление Яхве на горе Синай, вдохновение, испытанное Ницше на Энгадене, — все это явления одного порядка. Мысль о том, что исполнение обряда может магическим образом воздействовать на солнце, мы считаем абсурдной, но если вдуматься, она не столь уж безумна, более того, она нам гораздо ближе, чем мы предполагаем. Наша христианская религия, как и всякая другая, проникнута идеей, что особого рода действия или поступки — ритуал, молитва или богоугодные дела — могут влиять на Бога».

В 1924 году Юнг посещает Кению и Уганду. Он использует любую возможность, чтобы поговорить с проводниками и носильщиками, ему кажется невероятной их проницательность и знание человеческой природы. С местными женщинами ему пообщаться практически не удастся, поскольку здесь, как и на мусульманском Востоке, мужчины разговаривают с мужчинами, а женщины — с женщинами. Замужняя женщина живет в своем домашнем мире, в котором она полноправная хозяйка. Вполне возможно, считает Юнг, что «мужественность» европейской женщины обусловлена потерей этого естественного мира (собственный дом, дети, очаг, домашний скот), что это компенсация за утрату естества. Дни, проведенные в Африке на горе Элгоне, Юнг называет лучшими, что были у него в жизни. Ему удалось прочувствовать всю глубину первобытной жизни, ощутить «божественный покой» первобытной земли. Здесь не было и следа цивилизации — ни телефонов, ни телеграфов, ни писем. Юнг испытывал блаженное чувство, когда тебя никто не может достать внезапной телеграммой или звонком. Религия элгонов до странности напомнила ему древнеегипетскую с ее противопоставлением тьмы и света. Юнг отдыхал душой в Африке, но настал момент, когда он понял, что тайной целью его поездки было желание оставить Европу с ее проблемами, а вовсе не изучение психологии примитивных народов и исследование реакций европейца на первобытные условия жизни. В Европу он возвращается, путешествуя на пароходе по течению Нила, через Египет.

Исследования чужих культур играют важную роль в теории Юнга. Он проводит параллели между содержанием бессознательного современного европейца и проявлениями примитивной души и ее мира легенд, мифов и сказаний. Он продолжает этнологические, религиозно-психологические изыскания и обращается к философской и религиозной символике Дальнего Востока.

По возвращении Юнг много пишет. Появляются работы «Структура души», «Женщина в Европе», «Отношения между Эго и бессознательным», «Духовные проблемы современного человека». Юнг много сотрудничает со специалистами других дисциплин, в частности с Рихардом Вильгельмом, открывшим для Юнга китайскую алхимию. Он также сотрудничает с немецким индологом Генрихом Циммером и венгерским мифологом Карлом Керены. Идеи Юнга продолжают распространяться по Европе и Америке, у него появляются последователи, которые сами становятся известными в аналитике людьми. Юнг участвует в огромном числе семинаров. Его активно переводят на английский язык, что способствует установлению юнгианства в Америке и Англии. Юнг становится президентом Международного психотерапевтического общества и видит свою роль в защите преследуемых немецких психологов (Гитлер уже пришел к власти в Германии).

Это период интенсивного увлечения Юнга алхимией (см. Справку 8). Когда Рихард Вильгельм, ведущий синолог (китаист) того времени и по совместительству директор института по изучению Китая во Франкфурте, прислал Юнгу рукопись даосского текста по алхимии «Тайна золотого цветка», для Юнга впервые прояснился смысл как европейской алхимии, так и алхимии Дальнего Востока. «Будучи основана на средневековой натурфилософии, — отмечал Юнг, — алхимия оказывалась, с одной стороны, мостом в прошлое, к гностицизму, а с другой — мостом в будущее, к современной психологии бессознательного». Для Юнга алхимия служила противовесом иудейству и христианству, в которых, как он считал, преобладало патриархальное, маскулинное начало. Иными словами, в этих религиях женщине отводилась недостаточная роль. Например, Богородица, в отличие от Бога Отца, Бога Духа и Бога Святого Сына, не имеет божественной природы. Юнг считал христианскую Троицу неполной и полагал, что она должна быть «четверицей», то есть включать в себя образ Богородицы, олицетворяющей Землю и одновременно являющейся символом Анимы.

Справка 8 Алхимия

Алхимия (позднелат. *alchemy*, *alchimia*, *alchymia*) считается древней и высшей оккультной наукой. До сих пор многие ее тайны известны лишь посвященным. Алхимия долгое время была под запретом: с точки зрения церковных догм пытаться овладеть силами реальности нельзя — это грех, магия, колдовство. Особенно широко алхимия была распространена в Западной Европе в эпоху позднего Средневековья. Своей основной задачей алхимики полагали трансмутацию (превращение) неблагородных металлов в благородные с помощью воображаемого вещества — философского камня. Несмотря на свою философскую и умозрительную подоплеку, алхимия занималась и естественнонаучными вопросами и способствовала развитию практической химии. Алхимики нашли и усовершенствовали способы получения практически ценных соединений и смесей (минеральных и растительных красок, стекол, эмалей, металлических сплавов, кислот, щелочей, солей, лекарственных препаратов), а также изобрели или улучшили приемы лабораторной работы (перегонка, возгонка, фильтрование), создали новые лабораторные приборы (например, перегонный куб).

Алхимия зародилась в Египте. Одним из основателей алхимии считают Зосиму, уроженца греческого города Панополиса, жившего в IV веке нашей эры в Александрии Египетской и обучавшего слушателей Академии. По имени своего основоположника Гермеса Трисмегиста она названа герметическим искусством.

В своих сочинениях Зосима неоднократно упоминал имя легендарного учителя алхимиков Гермеса и называл его Гермесом Трисмегистом — трижды величайшим, повелителем душ и магом богоравным. Сочинения, приписываемые Трисмегисту, по видимому, относились к V–VI векам до нашей эры. По преданию, воины Александра Македонского нашли могилу Гермеса Трисмегиста с каменной плитой — «Изумрудной скрижалей Гермеса». На ней было высечено тринадцать наставлений потомкам.

V слова «герметический» есть еще одно значение — «закрытый», что для алхимии очень актуально. Ведь не зря алхимические трактаты полны символики, недоступной простому смертному. Да и что бы случилось, если бы каждый на земле мог изготавливать золото и жить вечно? С самого начала зарождения алхимии, с первых лабораторий египетских жрецов это была секретная наука, полная мистики. Алхимики шифровали свои результаты, изъяснялись особым аллегорическим языком, непонятным для непосвященных. Правда, в то время не существовало привычных ныне символов химических элементов и химических формул веществ, никто не составлял уравнений реакций. Кроме того, алхимики, которые искали способы получения золота из простых металлов, боялись, что кто-то раскроет их секреты. Однако неправильным было бы рассматривать алхимиков как научных предков современных химиков, потому что алхимия соединяла в себе естественную науку, мистику и творчество. Там, где алхимия выступает как эксперимент, обрамленный магическими ритуалами, она пользуется методами рациональной науки, хотя и не вполне развитыми. Там же, где алхимия осознает себя искусством, на первый план выходит символическое видение мира. Так, символы алхимиков — это не столько обозначения понятий, сколько аллегии, образы (например, обратимая химическая реакция обозначалась иногда в виде дракона, проглатывающего собственный хвост, семь металлов соотносились с семью планетами, ртуть и сера — с материнским и отцовским началами и т. д.). В связи с этим «темнота речи» многих алхимических трактатов может быть понята и объяснена тем, что в них органически слились в нерасчлененном еще виде естественнонаучное и художественное представления о мире (таковы алхимические стихи Дж. Чосера, XIV век). Алхимики засекречивали с помощью шифров формулы философского камня. В таких недоступных для посторонних областях, как астрология и алхимия, каждая планета и каждое химическое вещество обозначались как всем понятными знаками, так и схожими с криптографическими таинственными символами. В результате как заклинания и магические формулы вроде «абракадабры», так и зашифрованные письма походили с виду на чепуху, но в действительности имели глубокий смысл. Такой взгляд на алхимию позволяет понять ее как явление, сосредоточившее в себе многие особенности средневекового мышления.

Любой уважающий себя алхимик — это не шарлатан, это философ и богослов, язычник

или христианин. Христианизированный мир рассудил так: алхимия, опирающаяся на христианство (белая магия), имеет право на существование. Там же, где алхимия выступает в своем дохристианском качестве (черная магия), она признается неофициальным, а потому запретным делом. Таким образом, в европейской алхимии могли сочетаться теоретик-экспериментатор и практик-ремесленник, поэт и художник, схоласт и мистик, теолог и философ, маг-чернокнижник и правочерный христианин.

Устойчивые алхимические традиции существовали в Греции, Египте, затем и в Западной Европе. Алхимия была распространена в Индии и Китае, однако о ней в Европе мало что было известно. У нас, в России, алхимия распространения не получила.

Важнейшие успехи греко-египетской алхимии связаны с получением металлов из руд, приготовлением и обработкой металлических сплавов («Лейденский папирус»); с углублением и расширением знаний химических процессов, свойственных различным ремеслам (перегонка, способы опробования, очистки и сплавления металлов, амальгамирование, стеклоделие, крашение и др.). Египетские алхимики открыли, в частности, нашатырь. Алхимия арабского мира занималась тем, что мы сегодня обозначили бы словом «фармацевтика» (здесь можно упомянуть Гебера, Авиценну, Абу ар-Рази). Как указывает персидский медик Абу Мансур (XX век), при составлении лекарств арабы пользовались различными органическими веществами: тростниковым сахаром, кислотами растительного происхождения.

В распространении алхимии на Западе большую роль сыграли экономические, военные и политические связи с Востоком; арабо-греко-египетская традиция была очень сильна. В период с IX по XV век творили многие выдающиеся европейские алхимики, оставившие заметный след в истории средневековой культуры. Среди них Раймунд Луллий (1235–1315) — «Завещание, излагающее в двух книгах всеобщее химическое искусство», Арнальдо де Виланова (1250–1313) — «О ядах», Альберт Великий (около 1193–1280) — «О металлах и минералах», Фра Бонаventura (1214–1274), установивший факт растворения серебра в азотной кислоте и золота в царской водке, Роджер Бэкон (около 1214 — около 1292) — «Могущество алхимии», «Зеркало алхимии» — один из первых средневековых мыслителей, провозгласивший прямой эксперимент в качестве единственного критерия истинного знания.

Практическая алхимия открыла дверь прямому научному эксперименту, поставленному сознательно и целенаправленно. Собственно же алхимический подход к эксперименту был, по существу, ложен, так как исходил из априорной уверенности в том, что «истина» — ключ к превращению металлов в золото или серебро — уже дана свыше, надо лишь выявить ее путем магического ритуала и мистического откровения — «Сезам, откройся!».

Для средних веков алхимия, несомненно, была наукой, несмотря на многочисленных шарлатанов, уклон в магию и мистику и схоластический способ мышления. Невозможность трансмутации металлов выяснилась путем эксперимента, в результате тщетных поисков только в XVI веке, ко времени возникновения ятрохимии, которая вместе с прикладной (технической) химией к концу XVIII — началу XIX века привела к становлению химии как науки.

Самым просвещенным из алхимиков своего времени был немецкий епископ Альберт фон Больштедт — Альберт Великий (1193–1280). Он написал Свод правил, в которых, в частности, указывалось, что алхимик «должен быть молчаливым и скромным и никому не сообщать результатов своих операций; он должен жить в отдельном от людей доме». Альберт Великий, как и другие его современники-алхимики, считал, что все металлы сотворены из ртути, она — «материя» металлов, а их окраску определяют четыре «духа» — опять же ртуть, сера, мышьяк и нашатырь.

К числу алхимиков принадлежал английский физик и математик Исаак Ньютон (1643–1727). Он отдал поискам философского камня и универсального растворителя много времени и сил. Но Ньютона интересовали не столько способы получения золота, сколько изучение взаимопревращений веществ.

Алхимиком был и выдающийся английский философ, монах францисканского ордена

Роджер Бэкон (1214–1292). Он провел немало опытов в поисках способов превращения одних веществ в другие. За отказ выдать секреты получения золота, которых он не знал, Бэкон был осужден собратьями по вере и провел в церковной темнице 15 лет. Его сочинения по приказу генерала ордена францисканцев в наказание были прикованы цепями к столу в монастырской библиотеке в Оксфорде.

Своего расцвета алхимия достигла в Средневековье. Немногочисленные превращения на публике неблагородных металлов в золото привлекли всеобщее внимание. Жажда золота охватила весь мир. Тайные алхимические лаборатории имели князья и короли, медики и даже монахи. Но к XVIII веку алхимия пришла в упадок. К тому времени многие адепты-неудачники были повешены на виселицах из железа, которое они не смогли превратить в золото. Другие были разорены содержанием дорогих лабораторий, третьи — посажены в тюрьму за несдержанные обещания.

Но именно на закате алхимии появился самый загадочный и знаменитый представитель алхимии — граф Сен-Жермен, по многочисленным историческим свидетельствам, дошедшим до нашего времени, владеющий если и не тайной бессмертия, то эликсиром молодости. В мемуарах маркизы де Помпадур, лично знавшей Сен-Жермена, описывается встреча этого загадочного человека с графиней де Жержи. Графиня приняла Сен-Жермена за сына человека, в которого когда-то была влюблена. Она не могла поверить, что перед ней тот же самый граф: как и полвека назад, он выглядел сорокапятiletним, хотя, по ее подсчетам, ему должно было быть уже около ста лет. Но самое интересное, что сама графиня после встречи с Сен-Жерменом перестала стариться и была прозвана «вечной старой графиней». Потом она все-таки умерла, но долгое время при дворе Людовика XV ходили слухи о том, что Сен-Жермен поделился с графиней своим эликсиром, просто сделал это слишком поздно, когда графиня была уже не первой молодости.

Вспоминает Гилле Квиспел, неоднократно встречавшийся с Юнгом: «Однажды мы — несколько человек, включая Юнга, — не захотели пойти на послеобеденную лекцию и сидели на балконе его комнаты. Юнг был поглощен вопросами Успения Девы Марии, которое Папа Римский незадолго до этого объявил церковной догмой. Все не одобряли Папу. Все — кроме Юнга, который был весьма воодушевлен этим, потому что наконец Троица Отца, Сына и Святого Духа дополнялась женским элементом, что образовывало «четверицу». В это время моя молодая жена поднялась по лестнице и была настолько наивна, что присоединилась к нам. Как это часто случается, все мужчины замолчали. Через некоторое время Юнг сказал: „Сейчас вы можете представить, что происходит на Олимпе. Мужчины испытывают конфуз, когда женщина присоединяется к компании. Особенно тяжело, очевидно, Святому Духу...”»

В философской алхимии женский принцип не менее важен, чем мужской. Важнейшее место в ее символике отводится чаше, в которой происходило перерождение субстанций. Забавно, что именно феминистка Дейдра Блейр написала в 1990-х годах биографию Юнга. Хвалебного характера биография не имела. Скорее, автор заклеила Юнга как заклятого приверженца полигамии, поставив ему на вид романы с пациентками, например с Сабиной Шпильрейн или Тони Вульф. Как все было на самом деле, мы не знаем, но думается, что вместо упреков феминистки должны бы быть признательны Юнгу за популяризацию их равноправия. АЛХИМИЯ являлась для Юнга мостом, соединяющим два берега — гностиков и современную психологию бессознательного. Юнг попросил знакомого книготорговца в Мюнхене сообщать ему обо всех алхимических книгах, проходящих через его руки. Первой такой книгой стало собрание классических латинских текстов *Artis Auriferae Volumi-pa Duo* (1593). Расшифровать текст было поистине титанической задачей, и в этом Юнгу оказали помощь, во-первых, его превосходное знание латыни, «вбитой» в него с детства, а во-вторых, Мария-Луиза фон Франс, девушка с хорошим знанием латыни и греческого, которая помогала ему в работе с алхимическими источниками всю оставшуюся жизнь. На то, чтобы научиться понимать специфическую манеру выражения средневековых алхимиков, у Юнга ушло 10 лет. «Довольно скоро я обнаружил поразительное сходство аналитической

психологии с алхимией. Опыты алхимиков были в каком-то смысле моими опытами, их мир — моим миром». Аналитическая психология и алхимия преследовали одинаковую цель — самопознание. Частично к алхимии Юнга заставили обратиться истории его пациентов. В их сновидениях он находил мотивы хотя и не встречающиеся в мифах, но похожие на архаичные (например, взлетающий орел, затем пожирающий свои крылья; через несколько лет он случайно увидел изображение такого орла в алхимической рукописи). Для Юнга существовала несомненная связь между человеческой психикой и алхимическими образами. Алхимиков мы часто представляем себе как людей, мечтавших из свинца получить золото. Это расхожее представление ошибочно. Важно не то, что алхимики смешивали и плавил в тигле различные вещества, а то, что они при этом думали, какие аналогии проводили. Следя за процессом в плавильной печи, алхимики наблюдали за изменениями, происходившими в них. Одно из главнейших понятий алхимии — это философский камень (см. Справку 9), воплощающий в себе полноту и цельность человеческого существования. Такая же точно цель была у юнговского процесса индивидуации: человек не должен достигать совершенства, он должен достичь цельности.

Справка 9 Философский камень

В течение многих веков, если не тысячелетий, алхимики пытались найти философский камень — некое вещество, твердое или жидкое, которое способствовало бы превращению недрагоценного металла в золото или серебро.

По легенде, Мидас, правивший в малоазиатской стране Фригии с 738 по 696 год до нашей эры, якобы получил от бога Диониса способность превращать в золото все, к чему бы он ни прикоснулся неким таинственным волшебным камнем. Мидас действительно был сказочно богат, но не потому, что обладал камнем: он владел всеми золотыми месторождениями Фригии.

Для алхимиков природа была живой, обладающей душой, и поэтому они были уверены, что металлы растут и созревают в недрах Земли от смешения серы с серебром. Золото рассматривалось ими как вполне созревший металл, а железо — как незрелый.

Алхимики не видели существенной разницы между живой и неживой природой и считали, что в неживой природе происходят такие же процессы, как в растительном и животном мирах. По их мнению, различие между золотом и серебром заключается лишь в том, что сера в золоте здоровая — красная, а в серебре — белая. Когда испорченная красная сера в недрах Земли входит в соприкосновение с серебром, рождается медь. Когда же сера черная и порченная смешивается с серебром, рождается свинец: по словам Аристотеля, свинец — прокаженное золото.

Алхимики полагали, что с помощью философского камня можно ускорить процесс «созревания» незрелых и «исцеления» больных металлов, который в природе протекает чересчур медленно. Мифический философский камень можно считать прообразом будущих ферментов и катализаторов.

Поскольку считалось, что главная составная часть любого из металлов — ртуть, а вторая составная часть — сера, алхимики были твердо убеждены в том, что, меняя пропорции ртути и серы в смеси, можно произвольно превращать одни металлы в другие.

Поставив себе фантастическую цель — поиск философского камня, — алхимики достигли вполне реальных практических успехов. Они создали первые аппараты для дистилляции (перегонки) жидкостей, сублимации(возгонки) твердых веществ, перекристаллизации солей и их термического разложения.

Знаменитый таджикский врач, алхимик и философ Абу Али аль-Хусейн ибн Сина (980-1037), известный больше под именем Авиценна, уже умел получать хлороводородную, серную и азотную кислоты (HCl, H₂SO₄ и HNO₃), гидроксиды калия и натрия (KOH и NaOH).

Алхимики первыми начали применять амальгаму золота (раствор золота в ртути) для золочения изделий из меди и железа. Они научились с помощью ртути извлекать золото из бедных золотоносных песков. Дело в том, что золото (химически инертный металл) в природе находится в основном в самородном состоянии. При обработке золотоносных песков ртутью она растворяет крупинки золота, образуя тяжелую и жидкую амальгаму. Амальгаму отделяли от песка и нагревали в печах, ртуть испарялась, и оставалось чистое золото.

Был придуман и другой способ извлечения золота из бедной породы. В Древнем Египте жрецы-алхимики обрабатывали золотоносную породу расплавленным свинцом, который растворял золото и серебро, затем расплав сливали и подвергали обжигу в специальных горшках. Свинец превращался в оксид свинца PbO и впитывался в стенки горшка, увлекая за собой все случайные примеси, а на дне горшка оставался сплав золота и серебра. Главный секрет такого обжига — материал горшков: их делали из костной золы.

Алхимики научились использовать азотную кислоту для отделения серебра и меди, с которыми золото часто образует природные сплавы.

Современному человеку рассказы о превращениях неблагородных металлов в золото кажутся нелепыми сказками. Но в таких трансмутациях нет ничего фантастического, если они происходят на молекулярном

уровне. Известно, что уголь и алмаз имеют одинаковую молекулярную структуру. Следовательно, если известен катализатор, способный изменить молекулярную структуру угля, то мы можем получить алмаз. В этих моментах алхимия нисколько не противоречит химическим законам. «С открытием элементарных частиц трансмутация становится возможной, — пишет Жан Беранжье в конце XX века. — Ныне — это почти заурядное явление: в качестве доказательства достаточно привести тот факт, что в мире ежегодно производится несколько сотен килограммов плутония — металла, не существующего в природе». А Клеман Дюваль в книге «Ртуть» (не странное ли совпадение, что именно этот металл наряду со свинцом избрали алхимики для превращений в золото?) заявляет следующее: «Трансмутацию можно и вызвать. Так Шерр, Бейнбридж и Адерсон в 1941 году получили изотопы радиоактивного золота, бомбардируя ртуть быстрыми нейтронами».

Таким образом, в трансмутации металлов нет ничего невероятного. Хотя, конечно, алхимики не имели аппаратуры, подобной современной. Впрочем, Парацельс и другие великие адепты алхимии считали трансмутацию низшим аспектом алхимии, ведь цель этой науки отнюдь не обогащение. Хотя ни для кого не секрет, что именно этот раздел алхимии, наряду с обретением философского камня и эликсира бессмертия, долгое время притягивал к себе лучшие умы человечества. Подтверждением тому, что в алхимии есть рациональное зерно, может служить перечень известных людей, занимавшихся проблемами алхимии: Авиценна, Парацельс, Альберт Великий, Роджер Бэкон, Фома Аквинский, Раймонд Луллий, Гельвеций и др.

По мнению современных алхимиков, самым главным в искусстве алхимии является трансформация самого адепта. Дословное этимологическое значение термина трансформация — «выход за пределы мира форм». В более широком смысле — теургическая способность к творчеству. В этом смысле интересен взгляд на алхимию швейцарского психиатра и философа Карла Густава Юнга. Необычен сам путь, каким Юнг пришел к алхимии. В 1914 году ученик знаменитого отца психоанализа Зигмунда Фрейда Герберт Зильберер опубликовал работу «Проблемы мистики и ее символики», посвященную психоаналитическому применению алхимии. Фрейд отозвался о работе очень холодно, вследствие чего Зильберер, придя в отчаяние, покончил жизнь самоубийством.

Юнг тоже не принял всерьез книгу Зильберера, но через 12 лет неожиданным образом продолжил исследования погибшего коллеги. Алхимия в соотношении с психологией вызвала у него столь сильный интерес, что ученый занимался этой проблемой все 35 лет, вплоть до самой смерти. Юнг рассматривал алхимические понятия как психологические проекции, а сам алхимический процесс не как трансмутацию металлов, а как

трансформационную психологическую процедуру исцеления и роста человеческой души, которую он назвал индивидуацией («путем к себе»). Отсюда философский камень не материальная субстанция, а состояние достижений определенных духовных качеств, иными словами, кристалл духа, образующийся в человеке.

Такая интерпретация алхимии не нова. Еще во II веке до нашей эры специфической особенностью китайской алхимии было практически отсутствие интереса к трансмутации неблагородных металлов в золото. Китайские алхимики искали вещь, гораздо более ценную, — бессмертие. И основой их практики были духовные возможности человека. Приняв свой жизненный срок за неблагородный металл, они пытались трансмутировать его в золото, то есть в вечную жизнь (золото выбрано символом бессмертия не случайно: всем известно, что оно не подвластно порче с течением времени).

Таким образом, и в наше время загадок алхимии отнюдь не стало меньше. Древняя наука еще преподнесет человечеству сюрпризы, главный из которых — бессмертие человеческого духа. Будет это достоянием избранных или всего человечества, зависит только от того, насколько человек будет открыт новому знанию.

В настоящее время алхимию преподают на философских факультетах вузов.

С 1933 года ведет отсчет существования общество «Эранос». Название «Эранос» (участие в празднестве — греч.) выбрал Рудольф Отто для регулярных встреч в поместье фрау Ольги Фрубе-Каптейн, целью которых было исследование взаимосвязей между мышлением Запада и Востока. Начиная с этого года сюда съезжались маститые ученые (например, Генрих Зиммер, Мартин Бубер), чтобы выступить с докладами и принять участие в дискуссиях по темам, близким юнговской философии.

Когда фашисты пришли к власти в Германии, Юнгу было пятьдесят восемь лет. И семьдесят, когда война закончилась. Даже для Швейцарии, сохранявшей нейтралитет, это время было трудным и напряженным. Международное медицинское общество психотерапии под влиянием нацистов ИСКЛЮЧИЛО евреев из немецкого представительства. Юнг считал, что нашел хорошее решение этой проблеме: евреи могли быть представителями других стран и, таким образом, продолжать участвовать в профессиональных дискуссиях. Многие говорили о его решении как о неудачной уступке. Юнга обвиняют в антисемитизме, поводом к этому служит его статья «О современном состоянии психотерапии» от 1934 года. От этих обвинений его защищают друзья, коллеги и студенты еврейского происхождения. Юнг приписывал нациям и расам определенные характеристики, что вызвало волну яростной критики. Но наблюдения Юнга не имеют ничего общего с расовыми предрассудками. Когда мы говорим о том, что данному народу присущи определенные черты, мы не утверждаем, что они присущи каждому отдельному представителю этой народности. Разве сами мы не называем немцев педантичными, англичан — чопорными, а французов — националистами? Разве не рассуждаем о «русской душе»?

Рост нацизма и грядущая война способствуют переработке и уточнению юнговской теории архетипических образов. Когда начинается Вторая мировая война (1939 год), Юнг складывает с себя обязанности редактора журнала *Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete*, издаваемого в Лейпциге. Тогда же проходит седьмая встреча общества «Эранос», на которую приезжают Пауль и Мари Меллон. Пауль Меллон был филантропом и коллекционером картин; его первая жена, Мари, страдала от астмы и по этому поводу лечилась у Юнга. Щедрость семьи Меллонов впоследствии способствовала широкому распространению идей Юнга.

В 1938 году Юнг совершает путешествие в таинственную Индию по приглашению британского правительства. Поводом стало двадцатипятилетие университета в Калькутте. Юнг много читал об индийской философии, сам практиковал йогу и медитацию, поэтому возможность увидеть все собственными глазами его привлекала. Индия была единственной страной для Юнга, культуру которой он мог сравнить с европейской. Она была совершенно иной, но она была высокоразвитой. В Африке он ни разу не беседовал с аборигеном, способным словами рассказать о своей культуре. В Индии Юнг вел продолжительные

беседы с С. Субраманья Джером, гуру махараджи из Майсура. При этом он старался избегать «индийских святых», справедливо полагая, что их «правда» идет вразрез с «правдой» европейца. В Индии Юнга интересовали в основном проблемы добра и зла. Для европейца добро и зло — это четко противопоставленные категории. В «Фаусте» Гёте Мефистофель говорит: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Такая проблема не свойственна восточным народам. Для восточного мышления зло — это необходимая часть природы (мысль, для христианства еретическая). Индийская духовность в равной степени принимает добро и зло. Йог ощущает себя вне добра и зла, достигая этого при помощи медитации.

В Индии у Юнга произошла презабавная встреча с одним индусом, который согласился проводить его в храм и показать большую храмовую пещеру. Всю пагоду заполняли достаточно откровенные скульптуры. В них провожатый Юнга видел средство духовного совершенствования. Когда они вышли из храма и стали спускаться по аллее — индус внезапно сказал Юнгу: «Вы видите эти камни? Знаете, что они означают? Я открою вам великую тайну». Юнг был удивлен, фаллическое содержание этих памятников казалось ему очевидной вещью. Индус прошептал ему на ухо с величайшей серьезностью: «Эти камни — интимная часть мужского тела». Юнг ошеломленно посмотрел на него — он-то ожидал услышать что-нибудь серьезное о символическом значении камней. Провожатый лишь важно кивнул головой, словно говоря: «Да-да, это правда. Вы в своем европейском невежестве никогда бы об этом не догадались!» В Индии Юнгу были присвоены три докторские степени — в Аллахабаде, Бенаресе и Калькутте. Индия оставила в душе Юнга неизгладимый след, она открыла для него другой мир, непривычный, так непохожий на европейский.

В этом же году Юнг посетил Равенну. Именно здесь с ним произошло одно из самых невероятных событий в его жизни. Вместе с одной знакомой они решили осмотреть баптистерий. Их весьма впечатлили настенные мозаики на библейские сюжеты. Особенно поразила последняя, четвертая мозаика, изображавшая Христа, протягивающего руку тонущему Петру. «Сюжет о тонущем Петре сохранился в моей памяти с поразительной отчетливостью. Я и сегодня представляю его до последней мелочи: синеву моря, отдельные мозаичные камни с надписями у губ Петра и Христа (я пытался их расшифровать)». По выходе из баптистерия Юнг хотел купить открытки с удивительными мозаиками, но их не оказалось. Уже будучи в Швейцарии, Юнг попросил одного друга, собиравшегося в Равенну, привезти эти открытки. Но тот не смог найти их. Оказалось, что подобной мозаики не существует и никогда не было. За это время Юнг успел рассказать о мозаике своим студентам. Его спутница еще долго отказывалась поверить, что увиденное ими тогда на самом деле не существует. «Когда подобные вещи происходят с нами, мы начинаем воспринимать их куда серьезнее, чем то, что слышали или прочитали о них. Вообще для такого рода историй люди, как правило, спешат придумать объяснения на скорую руку. Я пришел к заключению, что, когда речь идет о бессознательном, нашего знания и опыта всегда недостаточно для создания каких бы то ни было теорий».

В 1944 году Юнг занимал должность куратора медицинской психологии в Базельском университете, но вскоре из-за состояния здоровья вынужден был оставить пост. Он сломал ногу, после чего с ним случился инфаркт. Находясь на грани жизни и смерти, Юнг переживал поразительные видения. К ним можно относиться по-разному. Кто-то считает, что человек, находясь в пограничном состоянии, действительно может заглянуть «по ту сторону». Материалистически настроенные полагают, что это просто галлюцинации, вызванные недостатком кислорода в мозге. Факт остается фактом: Юнг предсказал смерть своего лечащего врача. «Снизу, оттуда, где была Европа, явился вдруг некий образ. Это был мой доктор, вернее, его лик в золотистом нимбе — словно в лавровом венке. Я его мгновенно узнал: а, это же мой доктор, тот, что меня лечил. Только теперь принял облик василевса — царя Коса. Привычный мне образ был лишь временной оболочкой, теперь же предстал таким, каким был изначально». Доктор был якобы послан с Земли с вестью: Юнг не

может умереть, он должен остаться в живых. В полубреду Юнг подумал, что доктору угрожает опасность, ибо тот, кто смог предстать в своем истинном облике, уже начал отходить от земной жизни. Юнг был одним из последних пациентов этого врача. В тот день, когда Юнгу было дозволено встать с кровати, доктор слег и вскоре умер от сепсиса.

В последующие годы Юнг много и плодотворно работает, хотя в 1945-м ему уже исполнилось 70 лет. Вот некоторые названия его трудов этого периода: «Психология переноса», «О символизме мандалы», «Фундаментальные вопросы психотерапии». «Мистерии сознания: исследование отделения и синтеза психических оппозиций в алхимии» (это последняя работа Юнга по алхимии).

В 1955 году умерла его жена Эмма. Они прожили вместе 53 года. После ее смерти Юнг делает последнюю пристройку к башне в Боллингене. «Порой я ощущаю, будто вбираю в себя пространство и окружающие меня предметы. Я живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках, в животных, которые приходят и уходят, — в каждом существе. В Башне нет ничего, что бы не менялось в течение десятилетий и с чем бы я не чувствовал связи. Здесь все имеет свою историю — и это моя история. Здесь проходит та грань, за которой открывается безграничное царство бессознательного. Я отказался от электричества, сам топлю печь и плиту, а по вечерам зажигаю старинные лампы. У меня нет водопровода, я беру воду из колодца. Я рублю дрова и готовлю еду. В этих простых вещах заключается та простота, которая так нелегко дается человеку».

Практически до конца своей жизни Юнг продолжал лечить людей. Вот как выглядел его обычный день: с восьми до десяти утра он читал корреспонденцию, писал сам или диктовал письма, затем три часа до обеда и три часа после принимал пациентов. Вечером он читал научную литературу и писал собственные труды. Лишь в последние годы жизни количество пациентов пришлось сократить — Юнг сильно уставал.

Юнг скончался в своем доме в Кюснахте в 1961 году после непродолжительной болезни. Ему было 86 лет. По прошествии некоторого времени в дерево, под которым Юнг особенно любил сидеть, попала молния и оно сгорело дотла. Многими это было воспринято как привет Юнга из небытия...

Аналитическая психология

Говорить о психотерапии Юнга достаточно тяжело уже потому, что Юнг помогал пациентам не какими-то особо эффективными методами, а в первую очередь своей личностью. «Конечно, врач должен владеть так называемыми „методами“, но ему следует быть чрезвычайно осмотрительным, чтобы не пойти по привычному, рутинному пути. Вообще нужно с некоторой опаской относиться к теоретическим спекуляциям — сегодня они кажутся удовлетворительными, а завтра их сменят другие. Для моего психоанализа подобные вещи ничего не значат, я намеренно избегаю педантизма в этих вопросах. Для меня прежде всего существует человек и индивидуальный подход. И для каждого пациента я стараюсь найти особый язык. Поэтому одни говорят, что я следую Адлеру, другие — что Фрейд. А принципиально лишь то, что я обращаюсь к больному как человек к другому человеку. Психоанализ — это диалог, и он требует партнерства. Психоаналитик и пациент сидят друг против друга, глаза в глаза. И врачу есть что сказать, и больному — в той же степени». Именно поэтому многие считают, что метод Юнга умер вместе с ним, а представители юнговской школы лишь последователи, не сумевшие достичь вершин мастерства Юнга. Юнг не делил человечество на две половины — «больных» и «здоровых». Об этом он часто говорил в своих статьях, посвященных шизофрении. Нет четкой границы между «нормальным» и «ненормальным», и «нормальные» люди рискуют подчас оказаться намного более «сумасшедшими», чем люди, официально признанные таковыми и содержащиеся в специальных лечебницах.

Критика Юнга: Виктор Франкл

Австрийский психиатр Виктор Франкл, создатель логотерапии, основатель Венской психологической школы, — один из самых смелых критиков психоанализа Юнга как раз в той области, где психоанализ соприкасается с человеческой религиозностью. Сам Франкл исповедовал библейский взгляд на мир и на Бога, которого он воспринимал как Живого и Истинного Творца и Спасителя человечества, а не как абстракцию гностической мифологии. В труде «Бог подсознания» он решительно свидетельствует об истинности Божьего присутствия в человеке: «С точки зрения психологии отношения ребенок-отец предшествуют отношениям человек-Бог, но онтологически это не оригинал, а копия. С точки зрения онтологии мой физический отец, который меня породил телесно, в некоторой степени — случайный представитель Другого, Который сотворил все».

Для Франкла человек — разумное, ответственное, наделенное совестью существо, парадоксальное на всех уровнях, даже на бессознательном. Для Юнга и его последователей человеческое бессознательное инстинктивно может быть сильнее воли сознания. Франкл был противником этой идеи. Для Юнга религиозность заложена в бессознательном, которое «всесознательно», или «божественно», то есть Эго не имеет с религиозностью ничего общего. «Это значит, — говорит Франкл, опровергая Юнга, — религиозность нельзя отнести к коллективному бессознательному, так как она заложена в самоопределении человека, основана на решительном напряжении воли и сердца, то есть совокупного нашего существа». Последователь Юнга Бенцигер утверждал: «Мы можем говорить о религиозном инстинкте так же, как и о сексуальном, и об агрессивном инстинкте». Франкл ответил на это следующим: «Какая же это религиозность, если она на инстинктивном уровне запрограммирована как сексуальность? Спасибо за такую религиозность!» Для Юнга, как и для Фрейда, бессознательное — это нечто, что детерминирует (определяет) личность, а для Франкла подсознательная религиозность (как вообще все духовно подсознательное) — нечто подспудное, которое влияет на нас, но не решает за нас и не заставляет нас.

Франкл так же решительно отбросил и идею Юнга об архетипах, которые якобы являются нашим архаическим наследием. «Надо признать, — говорит венский психиатр, — что религиозные „праобразы“ существуют, но они не являются архетипами нашего культурного пространства. Этот мир рисунков и символов не дан нам изначально, мы лишь родились, окруженные им. Отсюда понятно, что эти праобразы не архетипы, а молитвы наших отцов, обряды наших церквей, откровения наших пророков, образы наших святых». Аналитическая психология Юнга сводится, по мнению Франкла, к языческому существованию примитивного религиозного сознания. Франкл на основании своего врачебного опыта и на основании библейского взгляда на мир говорит: «Аутентичная (в этом контексте — первоначальная) религиозность не имеет никакой связи с „архаикой“ (в этом смысле — примитивной) религиозности. Религиозность (которая ранее существовала, а потом была отвергнута) во многих людях осталась наивной, такой, какой она была во времена отрочества». Это подсознательная вера, которую можно назвать в наилучшем смысле детской. Возможно, она и детская (и в этом смысле наивная), но не примитивная и не архаичная, как ее трактует Юнг. В свете беспристрастного анализа здесь нет места никакой архаичной мифологии, каковая встречается в толкованиях школы Юнга; поэтому если в экзистенциальном анализе иногда и можно увидеть такое подсознательное религиозное содержание, то, скорее всего, оно просто совпадает с любимыми старыми картинками из времен детства.

С теоретической точки зрения аналитическая психология находится на пересечении глубинной психологии Фрейда и психологии его ученика Адлера. Фрейд и Адлер рассматривали специфические психические влечения, в то время как Юнг придерживался целостного подхода к человеку. Его целостная психология нацелена на то, чтобы человек выздоровел и прожил полную, насыщенную жизнь. Личность состоит из трех частей: Я-

сознания, индивидуального бессознательного и коллективного бессознательного. Центральное понятие человеческой души — это Самость (das Selbst). Самость включает как осознанные, так и бессознательные уровни личности и стремится к гармоничному состоянию души. Ее главное значение в том, что она не противопоставляет разные части души (сознательную и бессознательную) друг другу, а соединяет их так, чтобы они дополняли друг друга. Осознанный уровень — это Я-сознание (Ich-bewusstsein), лишь малая часть человеческой личности, как верхушка у айсберга. Рабочие функции Я-сознания — это ощущение (восприятие) и мышление, чувства и интуиция. В зависимости от того, какая пара функций больше развита, человека можно отнести либо к интровертам, либо к экстравертам. Намного обширнее бессознательный уровень человека, который, в свою очередь, состоит из двух частей — личного бессознательного и коллективного бессознательного. К личному бессознательному принадлежат все вытесненные формы поведения и чувства, это так называемая Тень. Особый компонент этой Тени образуют вытесненные способы поведения, принадлежащие противоположному полу, — Анимус и Анима. Коллективное бессознательное — это образование, которое содержит общечеловеческий опыт. Коллективным оно называется постольку, поскольку состоит из образов и способов поведения, не приобретаемых человеком в течение жизни, но при этом доступных абсолютно всем людям, живущим в любое время.

Бессознательное — это все те «вещи», что влияют на нас и на наши действия, при этом проходя мимо сознания. Иными словами, мы не воспринимаем и не осознаем их. В личном бессознательном это могут быть забытые события, вытесненные инстинкты, фиксации и запрограммированные действия, стереотипы поведения, установившиеся еще в раннем детстве, скрытые творческие способности. Коллективное бессознательное — это общее понятие, включающее генетически запрограммированные предпосылки психологического функционирования, общий для всего человечества опыт. Установить, руководит ли в данный момент человеком бессознательное или нет, очень легко. Когда оно прорывается наружу, нарушается Я-сознание. Например, человек неоправданно эмоционально реагирует на определенное слово, прозвучавшее в ходе беседы. Видимо, слово затронуло некую душевную рану. В аналитической психологии такое отклонение поведения называют комплексом. Исследование комплексов — это путь к постижению бессознательного. Реакции окружающего мира на поведение человека оказывают на него влияние; через них он оценивает определенные, сами по себе нейтральные потребности, способы поведения или чувства как приятные или неприятные, правильные или неправильные. Так возникают комплексы. Одни компоненты личности получают положительный заряд, а другие — отрицательный. Человек, которым управляет комплекс, не может изменить свое поведение, потому что оно не подвластно сознательному контролю. Юнг выделяет два различных уровня комплексов:

- комплексы, возникшие в ходе жизни человека, при его социализации (адаптации к жизни в обществе), типичные для группы, общества и культуры, в которой мы живем;
- комплексы, унаследованные генетически и общие для всех людей. Их Юнг также называет архетипами (Urbilder) — это наше психологическое наследие, «память поколений». В качестве примера можно привести «байки», мифологические представления и сказки о духах, демонах, кобольдах, сказочных существах, бесах, домовых, возникающие во всех культурах как персонификации бессознательных комплексов.

Поскольку комплексы связывают человека по рукам и ногам и мешают ему нормально жить, следует от них избавляться. В этом может помочь наблюдение за Я-сознанием. Подавление определенных частей личности ведет к развитию отдельных «мини-личностей», которые принимают на себя подавленные части личности. Первая такая личность — это так называемая Тень. Тень включает честолюбие, эгоизм, агрессивность, зависть, жадность и т. д., это влечения, которые были вытеснены в бессознательное как несовместимые с его Персоной. Чем сильнее влияние Персоны в общей структуре личности, тем больше Тень, поскольку человеку необходимо вытеснять в бессознательное все большее количество

влечений. По Юнгу, без Тени человек так же неполноценен, как без других частей личности. С точки зрения Юнга, Тень нельзя игнорировать, не обращать на нее внимания. Правильное обращение с Тенью позволяет нейтрализовать ее вредоносное воздействие. Вторая личность состоит из аспектов Тени, свойственных противоположному полу. У мужчин эта личность называется Анимой, у женщин — Анимусом. На их развитие большое влияние оказывают родители (отец у девочки и мать у мальчика). Анима символизирует следующие подавленные, женские формы поведения: способность к общению, налицо темы, сочувствие, хорошая приспособляемость, способность устанавливать отношения. Анимус символизирует подавленные мужские свойства, такие как агрессивность, мужество, готовность к риску, личная инициатива, духовная самостоятельность, дух новаторства. Поскольку эти составляющие невозможно подавить до конца, они дают о себе знать как проекции на других людей и вещи. Насколько человек находится в согласии с собой, настолько он находится в согласии с окружающим миром. Комплексы, общие для всего рода человеческого, Юнг назвал архетипами. Они существуют с тех пор, как у первобытного человека развилось сознание. Они возникли, потому что есть строгие физические и психические законы, которым подчиняются все люди. Если мы посмотрим в прошлое, то увидим, что во все времена людей волновали одни и те же вопросы и проблемы: взаимоотношения с природой, инстинкты и основные потребности, дихотомия добра и зла, отношения между полами, проблемы, связанные с различными периодами жизни, несчастье и смерть, вопрос о смысле жизни. Каждое общество и каждый человек сталкиваются с этими архетипическими проблемами. Если мы еще дальше углубимся в эту проблематику, то поймем, что она стара как мир и что люди на протяжении всей истории давали одинаковые ответы на эти вопросы. Коллективное бессознательное — это часть нашей души, которая присуща нам потому, что мы — люди, а следовательно, обладаем определенными основными функциями.

Я — это часть личности, которая включает собственную идентичность человека, его сознание. Его нам понять очень сложно, поскольку Я для нас — это нечто само собой разумеющееся, привычное. Я пытается ориентироваться в этом мире; для этой цели оно располагает четырьмя функциями: восприятием, мышлением, чувствами, интуицией. Как правило, у человека развиты только одна или две основные функции, поэтому его личность не может полностью раскрыться. Исходя из структуры души, Юнг создает свою типологию личности. Людей, склонных к восприятию и мышлению, Юнг называет экстравертами. Экстраверты больше ориентированы на Персону, внешнюю часть души. В своем поведении они больше руководствуются внешними нормами, установленными обществом. Крайняя форма выражения экстраверта — догматик. Их «антиподы», интроверты, больше доверяют чувствам и интуиции. В процессе своей индивидуализации они больше внимания уделяют внутренней части души, исходят в своей деятельности из собственных убеждений. Крайняя форма выражения интроверта — фанатик. Человек разовьет свое сознание, если будет заниматься разработкой функций, находящихся у него в зачаточном состоянии.

Однако крайние формы экстраверсии и интроверсии встречаются очень редко, потому что Самость стремится к целостности личности и не дает той или иной стороне личности доминировать. Например, интроверт не любит и не умеет общаться с малознакомыми людьми, поскольку ему трудно понять точку зрения собеседника. Он либо уходит от разговора, либо отстаивает свое мнение до последнего. В то же время в семье раскрывается экстравертная сторона его личности, обычно подавляемая, и он показывает себя заботливым и теплым человеком. Экстраверт же в семье скорее деспот, не учитывающий интересов членов семьи, нетерпеливый и не терпящий возражений. Зато экстраверт хорошо строит отношения с большим кругом людей. Ось экстраверсии-интроверсии накладывается на четыре функции, описанные выше.

Юнг считал, что у каждого человека доминирует та или иная функция, которая в сочетании с осью экстраверсии-интроверсии определяет путь развития личности. Люди с доминирующим мышлением ценят идеалы, порядок, организацию. Люди, у которых

доминирует чувство, склонны принимать спонтанные решения, идя на поводу у своих эмоций. Мышление и чувства — функции активные, связанные с оценкой и принятием решения. Ощущение и интуиция — функции скорее пассивные, связанные с восприятием информации.

Далее, Я образуется из двух основных способностей: Я-стабильности и Я-гибкости. Я-стабильность отвечает за классификацию, различение, отграничение одного от другого. Я-гибкость отвечает за восприятие новых веяний, за перемены.

Самость — это центр всей личности, «пункт управления», структурирующий все процессы развития. Все возможные варианты развития потенциально заложены в Самости, но то, будут они в жизни реализованы или нет, зависит от внешних факторов — общества, окружения человека. От того, насколько Я-сознание сумеет раскрыть себя Самости, зависит его развитие. Я — это осознанный представитель Самости, ее глаза, при помощи которых оно может познать себя. Самость может идентифицировать себя со зверями, кристаллами и звездами. Это Божественное в нас.

Индивидуация — это процесс, в ходе которого мы становимся теми, кто мы есть на самом деле. Это процесс развития всех способностей, талантов и возможностей человека. Цель данного процесса — реализация Самости.

Если говорить конкретно о становлении Я, то здесь важно развитие личности человека. При рождении Я отделяется от Самости. Чтобы преодолеть этот разрыв, человек проецирует свою Самость на других людей — на мать, классного руководителя или вождя — неважно. Самость, единая до рождения, после рождения раскалывается на две противоположности. Как правило, жизнь предоставляет мало возможностей для воссоединения этих двух половинок, поскольку человек постоянно вынужден приспосабливаться к социальному окружению, что происходит за счет его положительных задатков, не оцененных данным обществом. Поэтому человек начинает воспринимать эти «нежелательные», но относящиеся к Самости задатки как отрицательные и с этого момента отказывается от них.

В подростковом возрасте молодые люди пытаются ориентироваться на идеального человека своего пола. При этом у них, естественно, возникает стойкое отрицание свойств характера, не присущих данному полу. При обычном развитии событий такие люди, став взрослыми, будут стараться вести себя как «настоящие» мужчины или женщины и таким образом создадут себе Тень: Анимус либо Аниму, в зависимости от принадлежности к полу.

То, как человек презентует (представляет) себя другим, называется Персоной. Персона — это то, кем мы хотим быть в глазах окружающего мира. Здоровая Персона необходима для жизни в обществе. Персона может оказывать и отрицательное влияние на нашу жизнь. Если она доминирует, она подавляет индивидуальность человека и человек перестает отличать себя от Персоны, становится ею, играя навязанную обществом роль. С другой стороны, Персона оказывает нам помощь, так как ограждает душу от посторонних влияний, помогает общаться с незнакомыми людьми. И Персона, и Я-сознание полностью созревают в середине жизни (35–40 лет).

Для многих людей со становлением Я психическое развитие заканчивается. Жизнь идет по накатанной дорожке, растет потребность в упорядоченности и безопасности. Только меньшинство, пройдя «земную жизнь до половины», в основном в результате острого жизненного кризиса, оказываются лицом к лицу с вопросом: а что же будет дальше? Юнг считал, что развитие личности должно продолжаться всю жизнь человека, вплоть до смерти.

Индивидуация, то есть становление Самости, и вопрос о смысле жизни — это центральные понятия теории Юнга. Индивидуация — это дальнейшее развитие души, хотя качественно это совершенно другой процесс, развивающийся в обратном направлении. Речь уже не идет о том, чтобы усвоить еще несколько видов поведения и стать еще симпатичнее для окружающих. Наоборот, человек углубляется в себя. Я сталкивается со всеми подавленными когда-то частями личности и пытается вновь интегрировать их в одну. В частности, это означает: осознание бессознательных комплексов, осознание Персоны, собственной Тени и установление отношений с Анимусом либо Анимой.

Проблема заключается в следующем: в процессе осознания Самости возникают те конфликты, которых человек пытался избежать, вытеснив их в бессознательную сферу. Я-сознанию приходится разрываться между полярными аспектами души. Только так оно приходит к осознанию жизненных противоречий. Избежать этих страданий при индивидуации невозможно. Человек должен выдерживать напряжение до тех пор, пока противоположности не соединятся. Осознавая и признавая собственную беспомощность и слабость, Я отдается на волю творческим, объединяющим противоположности импульсам Самости. Цель заключается в том, чтобы найти срединную область, оазис спокойствия, не затронутый конфликтами. Это состояние не является чем-то большим, значительным, святым. Его можно выразить в простых словах: раскрепощенность, мир с самим собой, способность принимать жизнь такой, какая она есть.

Индивидуация дает человеку смысл жизни и наполняет ее глубиной. Индивидуация — это поиск Божественного в себе. Юнг считал, что помочь человеку обрести себя можно, лишь проникнув в его сферу бессознательного через сновидения и их анализ.

Человек рассказывает аналитику свой сон, после чего аналитик начинает искать в нем постоянно повторяющиеся образы. Например, человек часто видит во сне дом, реку, пещеру, алтарь... За этими образами стоят архетипы из коллективного бессознательного. Например, Самость как архетип, стремящийся к цельности личности, является в образе мандалы — совершенной геометрической фигуры. Через сновидения архетипы подсказывают человеку, в каком направлении ему двигаться дальше, важно только уметь разглядеть эту информацию. Например, если человек видит во сне бурную реку, значит, что-то мешает ему перейти на другой берег — сделать важный шаг, что-то в прошлом держит его.

Юнг обратился к мифологии потому, что она помогала ему лечить пациентов с их реальными проблемами. Например, Юнг выявлял в сновидении пациента символ, который не мог интерпретировать. Тогда Юнг обращался к мифологии и находил миф, в котором такой символ встречался. Так как мифы описывают человеческие конфликты, Юнг благодаря мифу понимал, какой неосознанный конфликт переживает пациент.

ЕСЛИ МЫ попробуем абстрагироваться от личного в душе, мы почувствуем, что в ней есть еще что-то, что роднит нас со всеми мужчинами и женщинами на земле. Мы не можем ощутить и испытать это, поскольку это «что-то» лежит в бессознательном, на самых нижних уровнях нашей души. Мы можем судить об этом только по сновидениям и фантазиям, в которых оно дает о себе знать. Идея о коллективном бессознательном оттолкнула от Юнга ученых, исходящих из материалистической модели мира. Для современного рационального человека мысль о том, что он может иметь те же воспоминания, что и какой-нибудь средневековый бакалейщик, абсурдна. Мы отрезаны от природы и твердо верим, что все можно объяснить с материалистических позиций. Но материализм отдаляет нас от других людей и от природы; в своем материализме мы одиноки.

Психология Юнга предлагает нам заменить холодный и бездушный механистический мир на теплый и органичный, где человек является частью мироздания. Конечно, эта психология не может решить все человеческие проблемы, но, по меньшей мере, она дает нам возможность взглянуть на мир по-иному. Ощущение общности с окружающим миром не угрожает растворению человеческой личности. Каждый человек уникален, у каждого своя, неповторимая, судьба.

Цитаты из работ Юнга

О психотерапевтических методах

Было бы заблуждением считать, что есть более или менее пригодные методы лечения. В этом отношении теоретические предпосылки не значат практически ничего. Да и вообще

следовало бы оставить разговоры о методе. Что в первую очередь важно для лечения — так это личное участие, серьезные намерения и отдача, даже самопожертвование врача. Я видел несколько поистине чудесных исцелений, когда внимательные сиделки и непрофессионалы смогли личным мужеством и терпеливой преданностью восстановить психическую связь с больным и добиться удивительного целебного эффекта.

О переходном возрасте

Я знаю одного набожного мужчину, возглавлявшего церковный приход. Примерно в 40 лет эта набожность переросла у него в несносную моральную и религиозную нетерпимость. При этом характер его становился все более невыносимым. В конце концов он стал мало чем отличаться от угрюмо глядящей церковной колонны. Так он прожил до 55 лет, пока однажды он вдруг не привстал посреди ночи с постели и не сказал жене: «Теперь я все понял. Я подлинный негодай». Это озарение не осталось без практических последствий. Последние годы жизни он провел в свое удовольствие, истратив при этом большую часть своего состояния. Очевидно, не так уж несимпатичен этот человек, способный на обе крайности!

О культе смерти

Этот культ смерти рационально зиждется на вере во вневременность души, но его иррациональная основа обнаруживается в психологической нужде живых сделать «что-нибудь» для ушедших.

Эта простейшая нужда навязывает себя даже самым «просвещенным» индивидуумам, когда они сталкиваются со смертью близких или друзей. Вот почему, просвещение или непросвещение, у нас все еще существуют все виды церемоний по покойникам.

Если Ленин был подвергнут забальзамированию и выставлен напоказ в пышном мавзолее как египетский фараон, мы можем быть совершенно уверены — это не потому, что его последователи верили в воскресение его тела.

Об астрологии

Попытки человеческого духа создать типологию и тем самым внести порядок в хаос индивидуального — можно сказать с уверенностью — уходят корнями в древность. Бесспорно, что самую первую попытку такого рода предприняла возникшая на Древнем Востоке астрология в так называемых тригонах четырех элементов — Воздуха, Воды, Земли и Огня. Тригон Воздуха в гороскопе состоит из трех воздушных замков зодиака — Водолея, Близнецов и Весов; тригон Огня — из Овна, Льва и Стрельца и т. д. Согласно древним представлениям, тот, кто родился в этих тригонах, отчасти обладает их воздушной или огненной природой, а это, в свою очередь, определяет соответствующий темперамент и судьбу. Поэтому физиологическая типология древности, то есть деление на четыре гуморальных темперамента, находится в тесной связи с древними космологическими воззрениями. То, что раньше объяснялось зодиакальными созвездиями, теперь стало выражаться на физиологическом языке древних врачей конкретно в словах «флегматический», «сангвинический», «холерический» и «меланхолический», которые представляют собой не что иное, как наименование телесных соков. Как известно, эта последняя типология сохранялась по меньшей мере до 1800 года. Что же касается астрологической типологии, то она, всем на удивление, по-прежнему держится и даже переживает сегодня новый расцвет.

О бессознательной

Теоретически поле сознания ничем нельзя ограничить, поскольку его можно расширять

до неопределенно высокого уровня. Но эмпирически оно всегда имеет границы со сферой бессознательного. Последнее состоит из всего, что неизвестно, что не состоит ни в каких взаимодействиях и взаимоотношениях с Я как центром поля сознания. Неизвестное разбивается на две группы объектов — группу чувственно познаваемых внешних объектов и группу непосредственно познаваемых внутренних объектов. Первая группа представляет собой неизвестное во внешнем мире, а вторая — во внутреннем. Последнюю область мы и называем бессознательным.

Все, что я знаю, но о чем не думаю в данный момент; все, что я когда-либо осознавал, но теперь забыл; все, что было воспринято моими органами чувств, но осталось без внимания со стороны моего сознания; все грядущее, вызревающее во мне и лишь затем осознающееся, — все это составляет содержания бессознательного.

К этим содержаниям относятся все более или менее осознанные изменения мучительных представлений и впечатлений. Сумму всех этих содержаний я называю личным бессознательным. Но кроме этого мы находим в бессознательном и не индивидуально приобретенные, а унаследованные свойства, инстинкты, побуждения к деятельности, которым следуют из необходимости и без сознательных мотивировок... (В этом «глубинном» слое психики мы находим и архетипы.) Инстинкты и архетипы составляют коллективное бессознательное. Я называю это бессознательное коллективным, потому что в нем заключены, в отличие от определенного выше личного бессознательного, не индивидуальные, то есть более или менее уникальные содержания, а содержания, распространенные повсюду и в равной мере.

Глубинные «слои» психики, погружаясь все глубже и становясь все более темными и смутными, утрачивают свою индивидуальную своеобразность. Они «опускаются вниз», то есть они, приближаясь к автономной функциональной системе и становясь все более коллективными, универсализуются и одновременно растворяются в материальности тела, химических единиц. Углерод тела — это углерод вообще. «На слишком глубокой глубине» психика — это мир вообще.

Об архетипе

Понятие архетипа... выведено из многократно повторявшихся наблюдений, что, например, мировую литературу определяют те мифы и сказки, которые содержат в себе мотивы, вновь и вновь появляющиеся повсюду. Эти же самые мотивы мы встречаем в фантазиях, сновидениях, делириях и безумных идеях современных людей. Эти типичные образы и взаимосвязи характеризуются как архетипичные представления. Чем они отчетливее, тем в большей мере им присуще сопровождаться особенно живыми эмоциональными тонами... Они оставляют впечатления, оказывают влияние и завораживают. Они проистекают из неосознаваемого самого по себе архетипа, бессознательной предформы, которая, по-видимому, относится к унаследованной структуре психики и вследствие этого может манифестироваться повсюду как спонтанное явление.

Я снова и снова сталкиваюсь с одним и тем же недоразумением, когда архетипы определяют содержательно, то есть как род бессознательных «представлений». Поэтому необходимо еще раз отметить, что архетипы определяются не содержательно, а только формально, и последнее делается лишь весьма условно. Содержательно можно определить только Первообраз, и то лишь тогда, когда он осознан и в силу этого наполнен материалом сознательного опыта. Его же форму, напротив... можно сравнить с осевой структурой кристалла, которая определенным образом предопределяет формирование кристалла в исходном растворе, не существуя сама при этом материально. Ее материальное существование проявляется лишь в способе и форме кристаллизации ионов, а затем и молекул. Сам по себе архетип представляет собой пустой формальный элемент, нечто иное, как *praeformatio* (предформирование), данную априори возможность той или иной формы представления. Наследуются не представления, но формы, которые тоже можно определять

только формально. Точно так же нельзя обнаружить наличие архетипа самого по себе, как нельзя обнаружить и наличие инстинктов, пока они не проявят себя в чем-то конкретном.

Ни на мгновение нельзя предаваться иллюзии, что архетип можно объяснить раз и навсегда и на этом разделаться с ним. Даже самая лучшая попытка объяснения представляет собой лишь более или менее удачный перевод на другой образный язык.

Об Анимусе и об Аниме

В своей первоначальной бессознательной форме Анимус является спонтанным и непреднамеренным стремлением, которое оказывает главенствующее влияние на сферу чувств, Анима же, наоборот, является чувственным образованием, оказывающим влияние, или дисторсию, на рассудок («Она вскружила ему голову»). Поэтому Анимус проецируется преимущественно на «духовные» авторитеты или на прочих «героев» (включая певцов, «деятелей искусства» и спортивных звезд). Анима охотнее использует бессознательное, пустое, фригидное, беспомощное, бессвязное, темное и многозначное в женщине... Душа, присоединяясь в процессе индивидуации к Я-сознанию, приобретает у мужчин женские признаки, а у женщин — мужские. Его Анима стремится соединять и объединять, ее Анимус хочет различать и постигать. Это — резкое противоречие. В реальности сознания оно означает возникновение конфликтной ситуации, даже если сознательные взаимоотношения обоих индивидуумов гармоничны. Анима — архетип жизни... Ведь жизнь является мужчине через Анимус, хотя он и считает, что это происходит благодаря разуму (*intellectus*). Он совершенствует свою жизнь с помощью разума, но жизнь живет в нем с помощью Анимы. А таинственность Женщины заключается в том, что жизнь является ей через духовный образ Анимус-са, хотя она полагает, что это заслуга Эроса, дающего ей жизнь. Она совершенствует свою жизнь и просто живет с помощью Эроса, но реальная жизнь, в которой она может оказаться и жертвой, приходит к своей вершине через рассудок (*ratio*), который воплощается в Анимусе.

О четырех функциях

Четверичность — это архетип, который проявляется, так сказать, универсально. Она является логической предпосылкой всякого суждения о целостности. Всякий раз это суждение должно сочетать в себе четыре аспекта. Когда, например, судят о целостности горизонта, то называют четыре основные стороны света. Всегда речь идет о четырех основных элементах, о четырех примитивных качествах, о четырех цветах, о четырех кастах в Индии, о четырех путях духовного развития в буддизме. Поэтому существует и четыре психологических аспекта психической ориентации, к которым ничего существенного добавить больше нельзя. Для ориентации нам нужны:

- функция констатации наличия чего-либо (восприятие);
- функция установления, что это собой представляет (мышление);
- функция, позволяющая определить, подходит ли это субъекту или нет, приятно это или нет (чувства);
- функция, позволяющая увидеть, откуда это появляется и к чему' это ведет (интуиция).

К этому больше нечего добавить... Идеальная завершенность выражается в круглом, в круге, а ее минимальное возможное расчленение — четыре.

Меня чуть ли не с упреком спрашивали, почему я говорю ровно о четырех функциях, не больше и не меньше. То, что их ровно четыре, получилось прежде всего чисто эмпирически. Но то, что благодаря им достигнута определенная степень цельности, можно продемонстрировать следующим соображением. Ощущение устанавливает, что происходит фактически. Мышление позволяет нам узнать, что означает данное чувство, — какова его ценность, и, наконец, интуиция указывает на возможные «откуда» и «куда», заключенные в том, что в данный момент имеется. Благодаря этому ориентация в современном мире может

быть такой же полной, как и определение места в пространстве с помощью географических координат. Четыре функции являются своего рода четырьмя сторонами горизонта, столь же произвольными, сколь и необходимыми. Ничто не мешает сдвинуть точку координат в ту или иную сторону и вообще дать им другие названия. Все зависит от того, как мы договоримся и насколько это целесообразно.

О Персоне

Персона — это... та приспособительная система или та манера себя вести, с помощью которой мы общаемся с миром. Так, например, почти любая профессия представляет собой для человека характерную для него Персону. Опасность заключается в том, что можно идентифицироваться со своей Персоной, как профессор со своим учебником или тенор со своим голосом. С некоторой долей преувеличения можно сказать: Персона — это то, чем человек на самом деле не является, но о чем он сам и другие люди говорят, что это и есть он.

О чувстве и интуиции

Существует немало людей, реакции которых основываются главным образом на иррациональности, то есть либо на ощущении, либо на интуиции, но никогда на том и другом сразу, ибо ощущение по отношению к интуиции столь же антагонистично, как мышление по отношению к чувству. Ведь когда я своими ушами и глазами намереваюсь установить, что же происходит в действительности, я могу делать все, что угодно, только не мечтать и не фантазировать одновременно с этим, но как раз именно это последнее и должен делать интуитивист, чтобы дать простор своему бессознательному, или объекту. Вот почему ощущающий тип является антиподом интуитивного. К сожалению, время не позволяет мне вдаваться в те интересные вариации, которые возникают вследствие экстравертной или интровертной установки у иррациональных типов.

Содержание коллективного бессознательного лишь в минимальной степени формируется личностью и в своей сущности вообще не является индивидуальным приобретением. Это бессознательное — как воздух, которым дышат все и который не принадлежит никому.

О синхронности

Моя работа в области психологии бессознательных процессов вот уже много лет тому назад вынудила меня перейти к другому (наряду с принципом причинности) объяснительному принципу, так как принцип причинности показался мне недостаточным для объяснения определенных странных явлений в психологии бессознательного. Сначала я обнаружил, что существуют параллельные психологические явления, которые совершенно невозможно причинно увязать друг с другом. Эти взаимосвязи показались мне по своей сути заключающимися в факте их относительной одновременности, отсюда пошло и выражение «синхронные». Ведь похоже, что время словно бы является не абстракцией, а представляет собой конкретный континуум, содержащий в себе качества или принципиальные условия, которые могут проявляться относительно одновременно в различных местах в виде причинно не объяснимого параллелизма, как это бывает, например, в случаях одновременного появления идентичных мыслей, символов или психических состояний у разных людей.

О мандале

Мандала — это круг, специальный магический круг. Мандалы распространены не только по всему Востоку, но и нередко встречались и у нас в средневековье. В христианстве

они закрепились в раннем средневековье, обычно с Христом посередине и четырьмя евангелистами или их символами в основных направлениях стран света. Это воззрение должно быть очень древним, ведь и Гор со своими четырьмя сыновьями изображался египтянами точно так же.

Как показывает опыт, мандалы появляются... в тех ситуациях, которые характеризуются запутанностью и безвыходностью. Определяемый ими архетип представляет собой упорядочивающую схему, которая в виде психологического перекрестия нитей, как в оптическом приборе или как разделенный на четыре части круг, определенным образом словно бы накладывается на психический хаос, благодаря чему каждое содержание обретает свое место, а разбегающееся в неопределенность целое воссоединяется магическим оберегающим кругом.

О душе

Если психика человека представляет собой что-то, то это что-то необозримо сложно и характеризуется неограниченным многообразием, и его невозможно охватить с помощью одной лишь психологии влечений. В глубочайшем изумлении и с непередаваемым восхищением я замираю, созерцая бездны и высоты природы человеческой души, чей внепространственный мир таит в себе неизмеримую полноту образов, которые были собраны и органично объединены миллионами лет развития жизни. Мое сознание подобно глазу, запечатлевающему самые удаленные пространства, но именно психическое не-Я внепространственно наполняет собой это пространство. И эти образы представляют собой не голые тени, но могущественные действующие силы души, которые мы можем только недопонимать, не умея никогда подорвать их величия своим отрицанием. Это впечатление я могу сравнить лишь с видом ночного неба, усеянного звездами, ведь эквивалентом внутреннему миру может быть только мир внешний, и если этот мир я постигаю посредством своего тела, то тот — посредством своей души.

Было бы верхом кощунства утверждать, что Бог может явить себя везде, где угодно, но только не в человеческой душе. Да, проникновенность взаимоотношений между Богом и душой изначально исключает всякую возможность недооценивания души. Возможно, было бы преувеличением говорить об отношениях родства между ними, но в любом случае душа должна заключать в себе возможность отношений или соответствия с сущностью Бога, иначе никогда не могла бы осуществиться никакая взаимосвязь между ними. Формулируя психологически, можно сказать, что это соответствие заключается в архетипе богообраза⁹. Для священника душа представляет собой лишь нечто соответствующее или не соответствующее признанной форме или системе верований. Он должен обеспечить нормальное функционирование последней. Пока эта система истинно выражает жизнь, психология может быть только техническим помощником здоровой жизни, душа не рассматривается как фактор *suī generis*. Пока человек живет как стадное животное, у него вообще нет собственной души — она ему и не нужна, исключая обычное верование в ее бессмертие. Но стоит человеку выйти за рамки любой локальной формы религии, в которой он был рожден, — как только религия перестает охватывать его жизнь во всей полноте, — душа становится фактором по своему собственному праву, с нею уже не обойтись привычными мерами. По этой причине мы имеем сегодня психологию, основанную на опыте, а не на догматах веры и не на постулатах какой-нибудь философской системы. Сам факт существования такой психологии является для меня симптомом глубоких конвульсий, происходящих в коллективной душе. Ибо изменения в коллективной душе происходят по тому же образцу, что и изменения в индивидуальной. Пока все идет хорошо и наша

---

⁹ Богообраз: согласно Отцам Церкви, *Imago Dei*, (образ Бога) запечатлен в человеческой душе.

психическая энергия находит адекватные и отрегулированные пути для выхода, нас ничто не тревожит изнутри. Нас не осаждают сомнения и неуверенность, мы не знаем внутренней раздвоенности. Но стоит заблокировать один-два канала психической активности, как появляются закупорки, поток энергии устремляется вспять, против течения, внутренний человек желает иного, чем внешний, мы в войне с самими собой.

О сознании

Наше сознание не создает самое себя, а поднимается из неизвестной нам глубины. Оно постепенно пробуждается в ребенке, а затем каждое утро пробуждается из глубин сна из бессознательного состояния. Оно подобно ребенку, который ежедневно рождается из своей материнской первопричины — бессознательного.

Об индивидуации

Индивидуация означает: стать единичной сущностью и, поскольку под индивидуальностью мы понимаем нашу глубинную внутреннюю, предельную и ни с чем не сравнимую уникальность, стать собственной Самостью. В силу этого индивидуацию можно было бы переводить и как «самосозидание» или «самовоплощение».

Я все время сталкиваюсь с тем, что процесс индивидуации путают с процессом осознания Я и тем самым идентифицируют Я с Самостью, в результате чего возникает безысходная путаница в понятиях. Ведь вследствие этого индивидуацией называют обыкновенный эгоцентризм или ауто-эротизм. Но Самость подразумевает нечто бесконечно большее, нежели просто Я... Она в равной мере объемлет и то, и другое, и Я. Индивидуация не исключает мир, но включает его в себя.

О Тени

Фигура Тени персонифицирует собой все, что субъект не признает в себе и что все-таки — напрямую или же косвенно — снова и снова всплывает в его сознании, например ущербные черты его характера или прочие неприемлемые тенденции.

Тень... это та сокрытая в тумане, вытесненная, чаще всего неполноценная и виноватая личность, которая вместе со всеми своими проявлениями простирается вплоть до царства предков-животных и охватывает всю историческую глубину бессознательного... Если до сих пор обычно придерживались мнения, что человеческая Тень является источником всего темного в человеке, то отныне при более глубоком рассмотрении можно обнаружить, что бессознательный человек, или Тень, состоит не только из морально неприемлемых тенденций, но и обнаруживает в себе целый ряд хороших качеств — нормальные инстинкты, целесообразные реакции, восприятие, соответствующее реальности, творческие импульсы и им подобное.

О сновидениях

Сновидение — маленькая хорошо спрятанная дверь, которая ведет в ту изначальную космическую ночь, которой была душа еще до возникновения Я-сознания и которой душа становится, далеко выходя за пределы того, чего способно когда-либо достичь Я-сознание. Ибо Я-сознание полностью разъединено, оно познает единичное, отрывая его и различая, и увидеть при этом можно лишь то, что как-либо соотносится с этим Я. Я-сознание состоит из громогласных ограничений даже тогда, когда оно достигает самых далеких звездных туманностей. Сознание все разделяет, а во сне мы вступаем в мир глубинного, всеобщего, истинного, вечного человека, который еще находится в сумерках надвигающейся ночи, где он еще был Целым, а Целое было в нем, который находится в не имеющей различий,

лишенной всякой «яковости» природе. Из этой всеобъединяющей глубины поднимается сон, каким бы детским, гротескным или аморальным он ни был.

Сновидения являются не преднамеренными и предвзятыми изобретениями, а естественными феноменами, которые не представляют собой ничего, кроме того, что они собой представляют. Они не обманывают, не лгут, не извращают и не затушевывают, а наивно возвещают о том, что они собой представляют и подразумевают. Они обижают нас и вводят нас в заблуждение, потому что мы не понимаем их. Они не применяют никаких искусственных трюков, чтобы что-нибудь скрыть, а говорят о том, что составляет их содержание, настолько отчетливо, насколько это позволяет сделать их образ. Мы не в состоянии понять, почему они столь своеобразны и сложны: ведь опыт показывает, что они всегда стараются выразить то, что наше Я не знает и не понимает.

Был и со мной самим случай, когда я слишком низко — и интеллектуально, и морально — оценил одну из пациенток. И вот во сне я увидел замок на высокой горе. На самой верхней башне был балкон, там сидела моя пациентка. Я не преминул тотчас рассказать ей этот сон; успех лечения, естественно, превзошел все ожидания.

Афоризмы

- Ваш взор станет ясным лишь тогда, когда вы сможете заглянуть в свою собственную душу.
- Мы тянемся в прошлое, к своим родителям, и вперед, к нашим детям, в будущее, которого мы никогда не увидим, но о котором нам хочется позаботиться.
- Там, где правит любовь, не остается места для власти силы; а где возобладали сила, там недостает любви.
- Верите ли вы в Бога? Я не верю, я знаю.

Приложение

Гороскоп Карла Густава Юнга¹⁰

Этот великий психиатр и философ родился в Швейцарии в семье протестантского священника. Все его предки были теологами и врачами. Молва называла этого деда-священника внебрачным сыном самого Гёте, что для немецкоязычной части Европы было овеяно своеобразным ореолом святости.

В его гороскопе очень сильное Солнце во Льве в 7-м доме как раз и говорит о сильной фигуре отца, окруженного уважением, полностью зависимого от общественного мнения.

Но вот из-за того, что рядом, тоже в знаке Льва, находится Уран — планета свободы, — конечно, он взбунтовался и не стал священником, хотя у него в гороскопе в соединении с Восходящим Лунным узлом находится звезда Альдерамин (5 альфа-Цефея), а это очень хорошая звезда. Звезда духовной власти, педагогических способностей, инициации. Люди с этой звездой показывают пример другим, сохраняют творческие способности долгое время, имеют стабильную творческую энергию, сильное физическое тело. Эта звезда, находясь в сильном положении в гороскопе, дает человеку возможность быть священником, проповедником. Дает активность и способность расширять сферу своей деятельности, помогать другим людям, популярность и престиж, хорошие организаторские способности.

Он изучал медицину — это связано с влиянием Венеры и Меркурия в Раке в 6-м доме.

А вот то, что он «влюбился» в психиатрию и всю жизнь занимался психотерапией, причем связывал это с коллективным бессознательным, можно отнести к удивительной

---

¹⁰ По материалам статьи Ольги Соловьевой на сайте www.astrologica.ru.

позиции Луны, окруженной двумя трансцендентными планетами — Нептуном и Плутоном.

Это дало ему и очень яркое воображение, и богатый внутренний мир. Солнце в 7-м доме, доме отношений, привело к тому, что еще в детстве будущего психолога заинтересовал вопрос поведения людей, но не каких-то гипотетических личностей, а весьма конкретных — родителей, учителей, друзей.

Пытаясь понять слепую веру отца в Бога, Юнг противопоставлял церковным догмам собственные представления о высшем разуме и высшей силе.

Юнг-старший был по жизни очень толерантным и сдержанным человеком, однако он не смог найти общий язык с сыном именно из-за религиозных разногласий.

Хотя Карл Юнг в детстве лелеял мечту пойти по стопам отца и стать священником, он достаточно рано увлекся философией. Не случайно многое в его жизни было связано с камнями (он буквально общался с большим камнем в детстве, строил свою Башню из камней как дом, увлекался скульптурой).

При его рождении восходил знак «каменного» Сатурна — Козерог, и сам великий Учитель Сатурн, да еще в соединении с Белой Луной, находился в его 1-м доме — доме Личности.

Быть бы ему святым — но вот в зените, точке, которая определяет цель человека, мы видим Черную Луну в знаке, определяющем идеологию человека.

Наверное, поэтому он приветствовал приход нацистов к власти, хотя впоследствии раскаялся в этом (о чем и написал в книге «Йога и Запад»).

Конечно, учитывая такую натальную карту, он не мог не быть сдержанным и достаточно закрытым человеком. В его биографиях мало информации. Зато в его книгах — ее очень и очень много (Луна в 3-м доме).

Интересная дата — 1907 год — судьбоносная встреча с Фрейдом. В этот кармический, фатальный момент Восходящий Лунный узел был в соединении с Солнцем Юнга. Он стал настолько ярким и заметным, что Фрейд не только пригласил его в гости, но и быстро сделал «наследным принцем» психоанализа. Однако какой же Лев долго сможет есть из чужих рук?

В октябре 1913 года Фрейд и Юнг окончательно разрывают отношения.

Посмотрим на карту. В этот момент транзитное соединение Восходящего Лунного узла с Черной Луной сделало много аспектов к его натальным планетам, и в том числе — секстиль — с его Плутоном в 3-м доме близкого окружения. И это сильно продвинуло его в личностном развитии — он обозначил свой метод (в отличие от психоанализа Фрейда, который даже подал на него в суд за неправильное использование этого термина) как «аналитическая психология».

После разрыва с Фрейдом в 1913 году Юнг посвятил следующие 20 лет путешествиям, писательской и психотерапевтической деятельности. Уже после того, как ему исполнилось 55 лет, он вернулся к академическому преподаванию и продолжал читать лекции и заниматься психотерапией вплоть до своей смерти в 1961 году. Он занимался природой религиозного опыта, сновидений и типичными мифологическими структурами, которые, казалось, были свойственны всему человечеству, независимо от культуры, расы или вероучения.

1912 год становится для Юнга началом тяжелого психологического кризиса. По его собственным словам, он был близок к безумию. Образы коллективного бессознательного вторглись в его жизнь, принес с собой кошмарные видения. Юнгу мнились потоки крови, заливающие всю Европу, крушение мира. Эти видения прекратились лишь в 1914 году, с началом Первой мировой войны, когда эти зловещие образы стали реальностью.

В этот момент Уран, планета «яснознания», войдя в 1-й дом Юнга, начала делать оппозицию к его натальному Урану. Это происходит со всеми без исключения людьми и называется кризисом среднего возраста. Собственно, этот термин и ввел сам Юнг. Он считал, что человек обязан после 42 лет начать заниматься Душой.

Интересен и 1927 год — в этом году Юнг начал изучать алхимию! К этому опять «приложила руку» Черная Луна, соединившись с Прозерпиной, которая к тому времени как

раз сделала секстиль с натальным Солнцем.

В 1944 году Юнг пережил клиническую смерть — Черная Луна вышла на его Асцендент и так «наградила» своего верного кавалера. Пережив клиническую смерть, он написал: «...этот мир все так же переполняет меня: эти растения и эти животные, эти облака, и день, и ночь, и самое вечность, заключенная в человеке».

Затем наступил последний этап его жизни — этап философского осмысления аналитической психологии, разговора с Богом от имени Иова. И сразу стало понятно, что юнгианский анализ не просто «штучный товар», он вообще не может существовать вне личности своего создателя. Не может существовать после 6 июня 1961 года, когда Юнг умер во второй раз (Черная Луна соединилась с его Ураном).

Апостол Петр (тот, который Камень) открыл ключом дверь в бессознательное — аспект бинонагон между Сатурном и Луной был проработан.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

